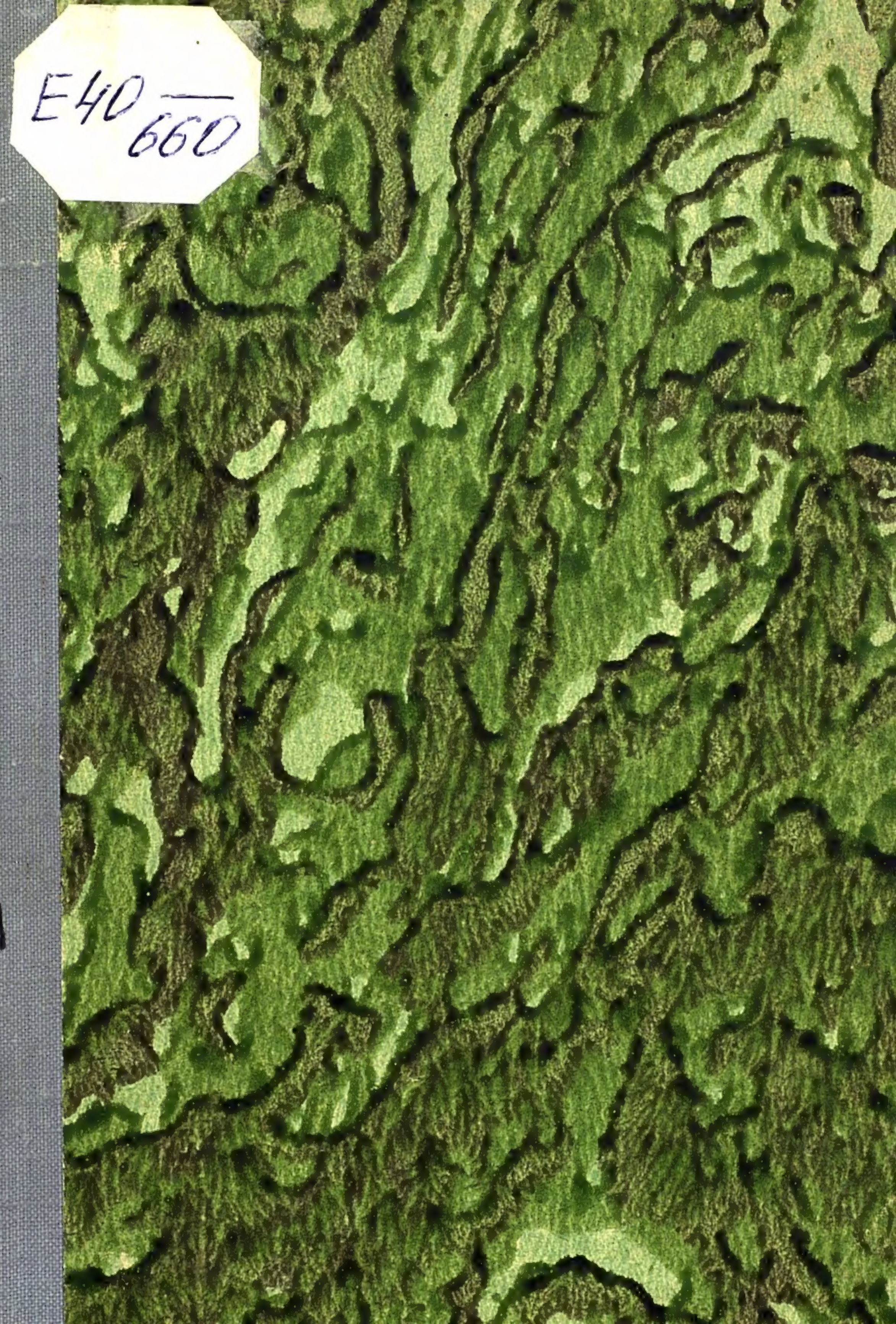
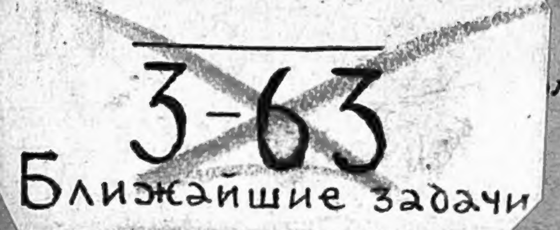

Зиновьев. Г. Ближайшие задачи партии.

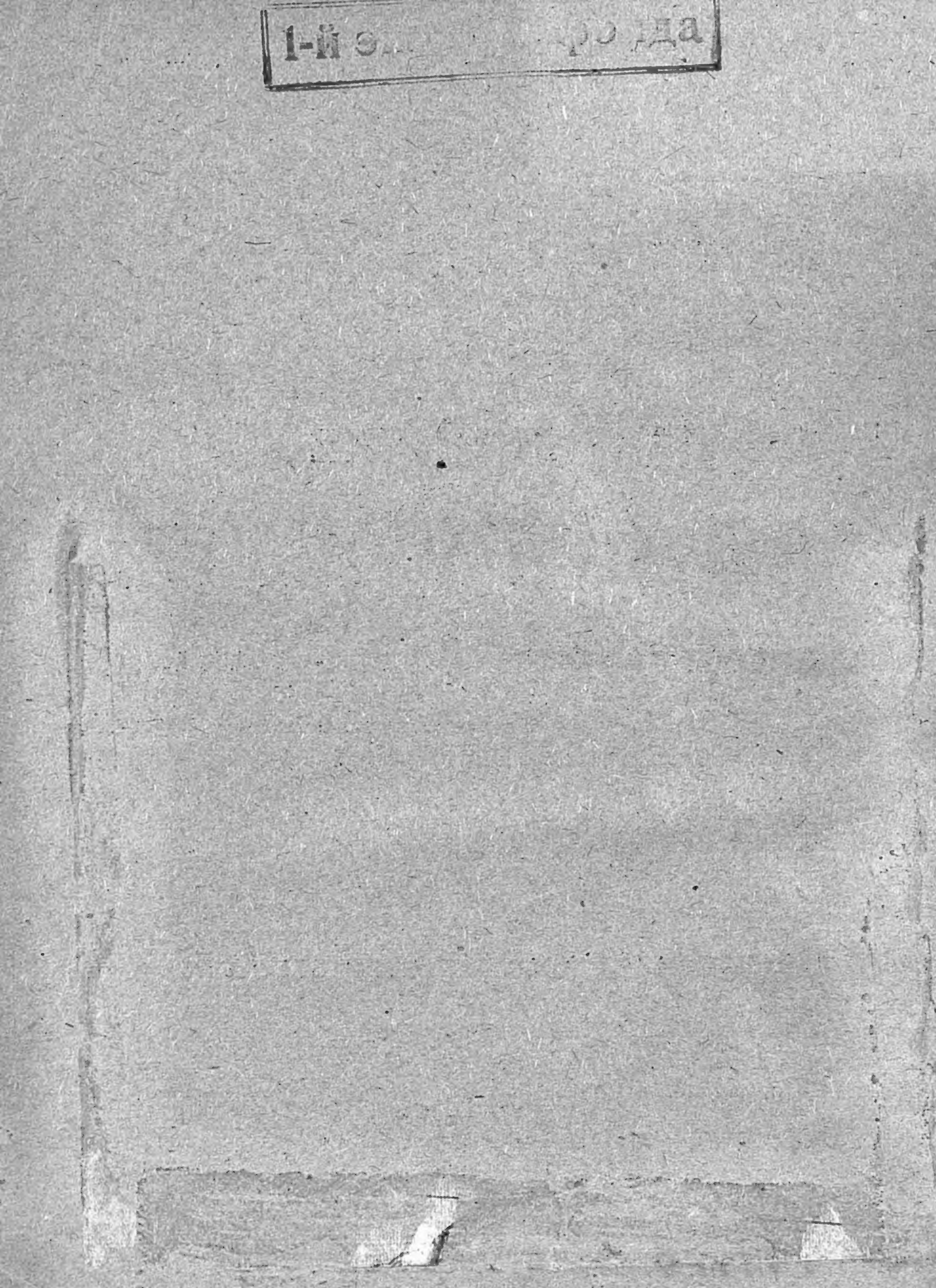
...летарии всех стран, соединяйтесь!

Г. ЗИНОВЬЕВ

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ

после кончины В. И. Ленина.

ИЗДАНИЕ РЯЗАНСКОГО ГУБ. КОМИТЕТА РКП(б.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. ЗИНОВЬЕВ.

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ после кончины В. И. Ленина.

(Речь тов. Зиновьева на заседании коммунистической фракции II с'езда Советов СССР).

Рязань.
Гостиполитография.
1924.

Гублит № 2420 14/III 1924 г. Тираж 600 экз. Заказ № 415.

В. И. ЛЕНИН.

Ближайшие задачи партии после кончины В. И. Ленина.

I. ВВЕДЕНИЕ.

Товарищи, последняя Всесоюзная партконференция имела, в сущности говоря, значение партийного с‘езда. Она обсудила целый ряд важнейших вопросов. После встряски, которую пережила наша партия в связи с памятной всем дискуссией, работа Всесоюзной конференции, вместе с работой пленарных заседаний Центрального Комитета нашей партии, которые происходили за это время, намечают целый ряд в высокой степени важных решений, которые определят нашу работу на месяцы, а в иных отношениях и на годы, Вся страна в связи с кончиной Владимира Ильича, мы все это чувствуем, переживает напряженное раздумье. Всем ясно, что эти дни положили рубеж в жизни страны, тем более в жизни нашей партии.

Естественна, поэтому, потребность у Центрального Комитета изложить перед таким авторитетным собранием, как ваше, свои соображения по ряду вопросов, решенных партконференцией, оглянуться на пройденный путь и наметить вехи будущего пути. Мы знаем, и вы это, товарищи, знаете тоже, что последний год или даже полтора Владимир Ильич непосредственно уже не мог руководить работой. Однако, было бы смешно думать, что у нас сейчас просто все пойдет по-

старому. Надо ясно отдавать себе отчет в том, что по старому дело пойти не может. Все важнейшие решения XII с'езда партии были, в сущности говоря, на 9/10 подготовлены и предопределены известными вам всем работами Владимира Ильича. До сих пор у нас не было еще ни одного Всесоюзного партийного с'езда, который намечал бы линию без помощи Владимира Ильича. Мы находимся теперь впервые в том положении, когда вынуждены будем сами искать себе дорогу. Наша задача, задача партии и Советской власти, если ее попытаться формулировать совсем кратко, сводится в настоящий период социалистической революции к следующим двум задачам: **во-первых, укрепить социалистическое и хозяйственное строительство в городах, укрепить нашу государственную промышленность и, во-вторых, завершить буржуазную революцию в деревне, завершить ее так, чтобы она одновременно послужила началом действительного соединения с социалистическим строительством в городах**. Революция дала крестьянам землю, но этого уже теперь мало. Крестьянам нужен инвентарь, им нужны действительные, фактические, реальные средства, чтобы поднять свое хозяйство. В нашей государственной системе борются два начала — социалистическое, представленное государственным хозяйством, и буржуазное, представленное новой буржуазией. Весь вопрос заключается в том, какое из этих начал, какая из этих сил поможет деревне завершить начавшийся в 1917 г. в деревне великий переворот: мы ли, коммунисты, представители Советской власти, или представители новой буржуазии, кто даст им кредит и т. д., мы, или новая буржуазия.

Мы приняли на нашем советском с'езде постановление о сельскохозяйственном банке. Это и есть, между прочим, одна из мер по завершению буржуазной революции в деревне в такой форме, чтобы завершение ее послужило одновременно началом социалистического строительства в деревне. Весь вопрос сейчас в том: кто поможет крестьянам получить этот кредит для того, чтобы они могли свою землю как следует обработать и свое хозяйство по настоящему повести. Такова центральная задача нынешнего исторического дня.

На этой почве у нас в партии, около партии, происходят, происходили и до некоторой степени неизбежно должны будут происходить существенные разногласия, разногласия, частью осознанные и оформленные, частью же неосознанные, неоформленные. Они охватывают, примерно, следующую группу вопросов.

Прежде всего, вопрос **о крестьянстве**, об его роли в нашей революции. Это есть центральный пункт ленинизма. Не далее, как сегодня, мы читаем в отзыве Отто Бауера, одного из умнейших и виднейших представителей II Интернационала, указания на то, что основой большевизма, основой учения Владимира Ильича являются его новые взгляды на крестьянство, заключающиеся в том, что пролетариат, как гегемон в освободительной борьбе, должен руководить крестьянством, и что только в этом случае есть шансы на победу социалистической революции. Лучшие головы даже из II Интернационала начинают понимать, что как раз здесь то новое слово, которое сказал ленинизм и в области теории, и в области практики. Нельзя скрывать от себя того,

что некоторые наши расхождения зачастую связаны с тем, что мы не имеем еще достаточно глубокого понимания того, что сказано нового Владимиром Ильичем в вопросе о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства.

Вторая группа вопросов, по которым у нас происходят расхождения,—это **взаимоотношения партии и государства**. Перед XII с'ездом нашей партии вопрос этот возник в довольно острой форме. В значительной степени подпочвой разногласий в только что закончившейся дискуссии также были эти вопросы—взаимоотношения партии и государства.

Третья группа вопросов—это **оценка шансов революции вообще**. И по этому вопросу у нас есть в партии очень неоформленные, очень неясные оттенки мнений и разногласий. У нас есть, правда, очень немногочисленные, но есть группы и группочки, настроенные полупораженчески, в том смысле, что они из-за деревьев часто не видят леса, из-за отдельных трудностей пролетарской революции и отдельных трудностей переходного периода нэпа они не видят основной линии, ведущей к победе.

Четвертая группа вопросов—это **темп и характер нашего хозяйственного строительства**. И по этому вопросу у нас есть существенные разногласия, иногда только организационные, а иногда более важные.

Пятая группа вопросов—это **кадры и молодежь в нашей партии**.

Шестая группа вопросов—**организационные вопросы в широком смысле этого слова**: роль партийного аппарата и т. д.

И седьмая группа вопросов, где расхождения

еще менее оформлены, это—**вопросы международной политики и международного рабочего движения.** И в этой области у нас намечаются иногда существенные расхождения. Я скажу о них совсем кратко. В области международной политики разногласия иногда идут по линии, должны ли мы сейчас быть более уступчивыми по отношению к иностранному капиталу для того, чтобы привлечь иностранный капитал поскорее и в большем количестве к восстановлению нашего хозяйства, или же мы должны остаться на старой линии неуступчивости. По вопросам международного рабочего движения намечаются оттенки в связи с судьбами германской революции, о которых вы услышите из уст т. Бухарина и о которых вы кое что знаете из печати, где вы могли прочитать, что отдельные члены нашей партии совершали крупные ошибки, поддерживая правое крыло германской коммунистической партии.

Вот, примерно, та сумма вопросов, где мы имеем более или менее оформленные, чаще менее оформленные разногласия, частью эпизодического характера,—они завтра пройдут,—частью более оформленного характера. Это все те вопросы, от которых никуда не уйдешь и в которых мы должны коллективным разумом партии стараться разобраться.

Я думаю, товарищи, что нам, прежде всего, однако, необходимо хорошенько вглядеться в то, что представляет собою сама наша партия в настоящий переломный рубежный момент, когда мы стоим перед началом новой эпохи в жизни нашей партии и отчасти в жизни нашей страны.

II. АНАТОМИЯ НАШЕЙ ПАРТИИ.

Наша партия—величайшая рабочая партия в мире. Даже противники должны были признать и признавали не раз, что РКП есть единственная партия, которая ведет политику на научных основаниях или почти на научных основаниях; что наша дисциплинированность, организованность не знают ничего равного себе в предыдущей истории каких бы то ни было политических партий. Наша партия—самая великая организация, какую до сих пор знал мир. И тем не менее, товарищи, наша партия как раз в настоящий исторический период находится в положении в высокой степени сложном и трудном. Хорошо было бы, если бы мы с вами смогли сделать моментальный фотографический снимок с того, что представляет собою наша партия сейчас: если бы могли, как бы рентгеновскими лучами, осветить во всех уголках и составных частях нашу партию, чтобы увидеть, где ее слабые и где ее сильные стороны. Нам надо немного подробнее ознакомиться с анатомией и физиологией партии, как ее застает нынешняя эпоха—после смерти Владимира Ильича.

Я попытаюсь, товарищи, вместе с вами как бы начертать схему того, что же представляет собою российская коммунистическая партия в настоящее время.

Товарищи, вдумайтесь в следующие обстоятельства.

Прежде всего—территория, на которой приходится действовать нашей партии. Эта территория обнимает 1/6 часть всей суши. На этом собрании фракции с'езда, которая представляет собою коммунистов всего Союза, особенно легко

или сравнительно легко представить себе, как громадно пространство, на котором нам приходится действовать. Пространство—это фактор не маловажный.

Второй момент—национальный переплет. Партия у нас едина, но страна наша населена десятками национальностей, имеющих совершенно различную историю культуры, часто друг друга не понимающих на своем языке. Этот момент также не маловажный. Из сообщений из Туркестана, Дагестана, Татреспублики вы можете узнать, как у них партийная дискуссия, которая только что была, имела дополнительные трудности, совершенно сверхкомплектные трудности, именно потому, что там вдобавок к остальным моментам спор обострялся в сильной степени национальным моментом. Поэтому, когда мы хотим узнать о том, что же такое наша партия сейчас, мы не можем ни на минуту забывать и этот момент: что страна, состоящая из десятков национальностей, имеет одну партию, построенную не на национальном признаке, и так оно и должно быть.

Третий момент—Союз ССР распадается на несколько хозяйственных поясов. Вспомните, как писал об этом Владимир Ильич, указывавший, что мы имеем в нашей стране и крупно развитый капитализм, подготовивший зачатки коммунизма, —скажем Москва, Донбасс, Петроград, Иваново-Вознесенск. Но мы имеем также целые громадные области, равные целым иностранным государствам, которые еще не дошли до той ступени развития, которой характеризуется капитализм. Мы имеем еще весьма отсталые области, где господствуют средневековые хозяйственные от-

ношения. Это хозяйственная разнокалиберность, различие хозяйственной структуры, наличие ряда хозяйственных поясов, являются моментом, в высокой степени осложняющим работу нашей партии. Мы имеем города и губернии, где коммунисты представляют собою сравнительно густую массу и опираются на вышколенный, организованный, политически грамотный, коммунистический пролетариат.

Но мы имеем и такие области, равные целым иностранным государствам, где коммунисты представляют собою совсем реденькую цепочку, совсем маленький слой, где рабочего населения почти нет и где поэтому и политика партии должна в сильнейшей степени видоизменяться. Вот вам третий момент. Эту зарубку надо сделать на нашей схеме, чтобы представить в целом, что такое наша партия сейчас.

Возьмите четвертый момент: партия наша пользуется монополией легальности. Она осуществляет диктатуру пролетариата и именно поэтому является единственной легальной партией в Союзе Республик. Она раздавила все остальные политические партии, она оставила за собой монополию на свободу печати, монополию на свободу политической работы. Хорошо ли это или плохо? Хорошо. Но и в этой монополии легальности есть и отрицательная сторона, этого нельзя забывать ни на одну минуту. В чем заключается положительная сторона монополии легальности,—это каждому ясно. В чем заключается отрицательная сторона монополии легальности? Она заключается в том, что целый ряд групп, в том числе и некоторые рабочие, которые при другом положении вещей были бы не в большевистской партии, а в

какой-нибудь промежуточной, или прямо меньшевистской,—в настоящей стадии дела, когда монополия легальности принадлежит нам, эти группы и группки часто входят в партию или работают около партии, или пытаются организовать фракции внутри партии. Почему? Да потому, что проявить себя политически или даже на хозяйственной арене в настоящую эпоху можно только входя в нашу партию или примыкая к ней. Вот чем об'ясняется, что такие, насквозь враждебные нашей партии группы, как группа „Рабочей Правды“ или „Рабочая Группа“ Мясникова, порвавшие с большевизмом, не пытались устроить самостоятельную партию, а пытались угнездиться в рядах большевистской партии, как „течение“. Всякому понятно, что, не будь у нас монополии легальности, эти группы пытались бы так или иначе самостоятельно выступать на политической арене и от этого меньше вреда было бы, чем тогда, когда они пытаются угнездиться в нашей партии и создают внутри РКП меньшевистскую по духу организацию. Этот четвертый момент—монополия легальности—имеет, повторяю, очень положительную сторону. Нельзя осуществлять диктатуру пролетариата, если коммунистическая партия не имеет монополии легальности. Но эта монополия легальности имеет и большую отрицательную сторону, которая тоже должна стать зарубкой на нашей схеме, если мы хотим понять условия, в которых действует наша партия.

Пятый момент—наличность выходцев из других партий. Мы разбили все остальные партии, которые пытались опираться на рабочий класс и частью на крестьянство. Хорошо ли это? Разумеется, это хорошо.

Мы перевели из этих партий меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д. в наши ряды значительное количество людей, относительно которых все мы убеждены, что это все лучшее, что было во враждебных нам партиях. Хорошо ли это? Разумеется, очень хорошо. Но это положительное явление имеет также и свою, если не отрицательную, то во всяком случае осложняющую дело сторону. У нас было членов партии, вышедших из рядов других партий, после чистки к концу 1922 г. 22 тысячи с лишним.

Выходцы из других партий составляли к концу 1922 г. 22.517 чел.

Из них в процентах:

Бывших с. д. и бунд.	49,4%
Бывшие интернационалисты.	3,9%
„ левые эсеры	12,7%
„ правые с. р.	17,5%
„ анархисты	2,8%
Прочие.	13,0%.

На 8.828 ответственных работников РКП, вышедших из других партий выходцев—2.602 (29,5%).

Из числа этих последних:

Рабочих	784.
Крестьян	31.
Служащих	709.
Интеллигентов	1,042.
Нет сведений	40.

Я думаю, что не ошибусь, если эти цифры приму за более или менее прочные цифры. Вероятно, сейчас немножко больше. Большинство составляют рабочие, бывшие меньшевики и эсеры. Очень значительную группу представляют, однако, ответственные работники—не рабочие.

Товарищи, было бы, разумеется, нелепо и не по-товарищески с нашей стороны каждый раз напоминать отдельному товарищу, что он принадлежал раньше к другой партии. Но, товарищи, в такие моменты, как теперешний, когда мы хотим обозреть все положение вещей в нашей партии, я думаю, мы не можем пройти мимо этого момента, который играет серьезную роль в жизни нашей партии. У нас почти двадцать пять тысяч членов партии, вышедших из рядов других партий. Из них больше 8.000, до 9.000, таких товарищей, которые раньше играли заметную активную роль в жизни меньшевистской, эсеровской партий, которые были там активными работниками. Среди них более 3000 таких, которые являются ответственными активными работниками теперь в нашей партии. Само собою понятно, что этот момент также должен лечь некоторой зарубкой на ту схему нашей партии, которую мы с вами стараемся вызвать перед нашими глазами.

Очень большая часть этих товарищей является теперь большевиками не хуже любого из нас. Но вместе с тем, если взять этот слой, как массовый слой,—двадцать пять тысяч—это массовый слой,—никто не станет отрицать, что у этого массового слоя не может не быть некоторых таких пережитков, которые осложняют работу нашей партии сейчас и которые в некоторые трудные переходные моменты не могут не сказаться. Этот момент надо себе зарубить, чтобы точно представить себе сложность обстановки, в которой находится наша партия сейчас.

Шестой момент—возрастные группы в нашей партии. Ведь наша партия имеет совершенно своеобразную историю. Партия наша, если вести

ее историю даже со второго с'езда, с момента раскола с большевиками меньшевиков, т. е., 1903 г., имеет уже больше 20 лет за собою, а между тем личный состав партии не только не имеет за собою 20 лет, но не имеет 5-ти лет. Громадное большинство членов нашей партии состоит в нашей партии всего два или три года. Вот передо мною таблица, с которой я считаю необходимым вас ознакомить. У нас в конце года считалось 386.313 членов: из них членов партии до 1905 г.—2517 (0,7 проц.), до 1916 г. включительно—7.914 (2,0 проц.), до 1917 г. включительно—35.154 (9,1 проц.). Итого по 1917 г. включительно около 50.000. 1918 г. дает 6[illegible].643 (16,5 проц.), 1919 г.—107.840 (27,9 проц.), 1920 г.—121.789 (3[illegible]5 проц.), 1921 г.—40.419 (10,5 проц.), 1922 г.—приема не было, без указания—7.037 (1,8 проц.).

О чем говорят нам эти цифры? Они говорят нам о совершенно своеобразном развитии нашей партии. Партия, которая имеет за своими плечами четверть века истории, имеет личный состав на 3/4 с 1919 г. Разумеется, в этом нет ничего плохого, такова была история нашей партии, неразрывно связанная с историей нашей революции, но, товарищи, для того, чтобы видеть те трудности и ту сложную обстановку, в которой партии приходится действовать, нельзя забывать об этом в высшей степени важном и иногда очень осложняющем работу нашей партии моменте.

Работа партии в подполье создала резервуары из лучшей части пролетариата, которые в 1917 г. влились в нашу партию, но все еще в сравнительно небольшом количестве. Главный приток начинается в 1918 и даже 1919 годах, только когда прочность Советской власти стала выри-

совываться более ясно. Своеобразный ход развития нашей партии неразрывно связан с ходом развития всей нашей революции и создал в этой области сверхкомплектные трудности. Возрастной момент в нашей партии есть проблема, от которой не уйдешь. Таков шестой момент, на который я прошу обратить ваше внимание.

Седьмой момент—то, что называется по ученому флуктуацией в партии. Флуктуация—это значит прилив и отлив, вступление и выход из партии, передвижение членов. Каждая рабочая партия, когда она дает себе отчет в работе, скажем, за год, она отмечает за год столько-то тысяч прибавилось, столько-то тысяч ушло обратно. Происходит эта флуктуация в больших или меньших размерах в каждой рабочей партии, которая развивается в так называемых нормальных условиях. А у нас с вами как развивалось дело? Какова была флуктуация у нас? У нас к концу 1923 г. оставалось в круглых цифрах четыреста тысяч членов партии и более ста тысяч кандидатов. Но у нас было время, товарищи, когда было почти 800 000 членов партии, не считая кандидатов. Вот в каких бешеных размерах происходила эта флуктуация у нас. Это не то, что пять тысяч пришло, три тысячи ушло. У нас дело шло так, что сначала устремился огромный поток, доходивший почти до миллиона человек, поток, в котором было много сильного, но который принес с собою много плохого, много шлаков, много плохих элементов, которые всплыли на поверхность, и мы должны были потом принять специальные меры чистки. У нас флуктуация шла в громадных размерах. По нескольку сот тысяч человек притекало, затем обратно оттекало назад частью само-

произвольно, а частью под нашим давлением. Разве такой момент мог пройти бесследно для жизни нашей партии? Разве такой момент не оставляет определенного осадка в тех или других частях нашей партии? Этот момент, несомненно, должен был создать и создал для нас крупные трудности. Чтобы представить себе нашу партию сейчас, не нужно забывать и об этом моменте флуктуации.

И, наконец, последний момент, на который я хотел указать, не потому, что это действительно последний момент, но потому, что надо же остановиться только на главном, это—вопрос о разделении труда в нашей партии. Без разделения труда наша партия не может существовать. Мы знаем, что наша партия должна теперь из своих собственных рядов давать и председателя Совета Народных Комиссаров, и председателя волкома, и руководителя профессионального союза, и управляющего банком, и красного дипломата, и красного директора, и делегатку от крестьянок, и торгового представителя за границей, и рабочего от станка, и красноармейца рядового, и начальника дивизии,—все это партия должна дать из своих членов, из своей среды. Ибо мы обслуживаем целое государство, мы управляем целым громадным государством, и притом обнимающим шестую часть земной суши. Нам поэтому необходимо громадное разделение труда в нашей партии. Разделение труда в нашей партии осуществляется в общем не так плохо. Но, товарищи, именно это есть плоскость наибольших трений, наибольших организационных трудностей, наибольшего сопротивления человеческого материала. И именно это разделение труда приводит к целому ряду громадных внутренних трудностей для нашей пар-

тии. Прикиньте хотя бы самые основные группы в нашей партии на основе принципа разделения труда. Первая группа—рабочие от станка Их у нас в настоящий момент 50 668 (15,9 проц.) и кандидатов 20.178 (20,6 проц.). Вторая группа—крестьяне от сохи: их у нас к концу 1923 г.—65 498, (20,7 проц) и кандидатов 26.243 (27 проц.). Рабочие от станка составляют 16 проц. всей партии, крестьяне от сохи—27 проц. Третья группа—работники Красной армии: их теперь у нас около 40.000 (я после приведу более точные цифры), и притом все почти эти 40 тысяч находятся на командных постах и являются политработниками, являются головкой армии,—момент, товарищи, в высокой степени осложняющий работу партии. Четвертая по численности группа в настоящий момент—это учащаяся молодежь, которая составляет также около 40 тысяч, пожалуй, немного побольше, членов нашей партии, на партах сидящих, которые имеют свою сильную сторону, но которые имеют и свою слабую сторону, свои беды, свои тяжелые кризисы, которые не могут не наложить известный отпечаток на работу партии.

Далее идут более мелкие группы, их только перечислю. Скажем, группа служащих—большая группа; группа администраторов, которая, я думаю, довольно сильно представлена в этом зале: председатели губисполкомов, председатели уездных исполкомов,—работники, которые составляют ядро Советской власти, руководящую его часть, группа, которая подбиралась все эти годы и теперь в основном накопила громадный административный опыт, без которого мы не можем управлять страной, но которая имеет также свои недостатки и свои специфические черты.

Дальше идет группа хозяйственников, не очень многочисленная, но очень влиятельная, имеющая громаднейшее значение в том смысле, что по результатам ее работы нас судят беспартийный рабочий и беспартийный крестьянин: он судит по красному директору, по председателю треста. Это группа, которую партия с таким трудом подбирала и еще не совсем подобрала, но уже в значительной части подобрала. Эту группу нельзя ни на одну минуту упускать из виду, если вы хотите иметь перед собой сколько-нибудь об'ективный чертеж того, что представляет собою РКП в настоящий момент.

Дальше идет группа работников профессионального движения, которая также имеет свои сильные, и свои слабые стороны, и свою особую психологию.

Далее—наши торговцы, кооператоры и прочие.

Я взял только 10 наиболее важных групп. На самом деле у нас разделение труда еще гораздо большее, еще детальнее, и можно было бы насчитать еще большее количество групп.

Так выглядит, товарищи, наша партия сейчас. Чтобы закончить с этой частью, я приведу еще некоторые, более точные, цифры. Прежде всего, самое число рабочих в госпромышленности возросло с 1921 года с 1 миллиона почти до полутора миллионов, с 1 050 000 до 1.450.000. За два года прибавилось 400 тысяч рабочих. В одном Питере число металлистов за год удвоилось: с 28 тысяч до 61 тысячи. И растет число рабочих повсюду.

Я вам приводил уже число членов РКП рабочих у станка. Число рабочих вообще в нашей партии значительно больше. Число рабочих в

партии вообще 150.236, а не 50.000; они составляют 46,3 проц. всего наличного состава партии. Из этих 150.000 приходится до 50 тысяч на рабочих от станка, 100.000 рабочих—во всех других местах; значительная часть в Красной армии, другая находится на административных постах, третья—на хозяйственных, четвертая—на профессиональной работе, в государственных аппаратах, в узком смысле этого слова, и т. д. Всех крестьян, а не крестьян „у сохи“, у нас в партии 82.711 (24,9 проц.). Служащих и пр.—58 707 и 40 тысяч в нашей Красной армии. Таким образом, получается всего 380.000. Район распространения: главный промышленный район—106 тысяч; земледельческий район—73 000; Украина—42 000; Сибирь—30 000; Закавказье—19.000; Туркреспублика—13 тысяч; Киррепублика—10.000 и т. д. Я не буду перечислять всех групп.

Таковы, товарищи, те цифры, которые нам надо иметь в виду. Не надо забывать еще РКСМ, нашей завтрашней смены, которая в настоящий момент (на 1 декабря 1923 г.) насчитывает 381 819 членов и 68.858 кандидатов и в котором большинство тоже составляют крестьяне.

Из этого числа рабочей молодежи—39 проц., крестьян—41 проц. и остальных—20 проц.

Возрастная группировка членов РКП по 40 губерниям Центральной России такова: до 24 лет—29,4 проц., от 25 до 34 лет—45,2 проц., от 35 лет и старше—25,4 проц.

Таким образом, товарищи, если вы хотите себе представить, что такое наша партия сейчас, вы ни на минуту не должны упускать из виду той схемы, которую я слабой рукой перед вами начертил. Только имея перед собою эту схему, мож-

но что-нибудь понять в тех спорах, которые велись в нашей партии и которые могут в той или иной форме возникнуть перед нами еще раз. Мне кажется, что в этой схеме основными являются два момента: это пять, примерно, возрастных групп, если взять основные, и 10 групп по специальностям, которые я вам перечислил. Это основное в этой схеме; все остальное есть фон картины. Пять надо помножить на 10 и тогда вы получите 50 некоторых делений, 50 некоторых швов, некоторых загибов, какие на бумаге можно загнуть. Этот момент, товарищи, ни в коем случае нельзя упускать из виду. Эти швы—невидимые швы, но учесть их надо. Все это до сих пор было увязано,—и, надеемся, останется увязанным и дальше,—единым партийным узлом, партийной дисциплиной, партийной программой, партийной сплоченностью. Но, товарищи, эти швы все-таки существуют, и при серьезной политической ошибке и даже при серьезной организационной ошибке с нашей стороны эти швы могут дать о себе знать. По этим 50 швам может начать у нас распарываться кое-где, по этим 50 загибам может начаться кое-где известное тление. Вот почему, товарищи, мы должны, разумеется, помнить, и мы всегда помним, что наша партия является самой великой пролетарской организацией, которую когда-либо знал мир, которую когда-либо знала человеческая история. Но мы вместе с тем не должны ни на одну минуту забывать, что именно нашей партии приходится работать при страшно трудных условиях, когда она управляет страной, и что поэтому у нас имеются сверхкомплектные трудности, такие, каких не может быть ни у какой другой партии.

Сравните судьбы нашей партии с судьбами, скажем, германской коммунистической партии, одной из наиболее сильных в Интернационале. Она, вероятно, имела перед исключительным законом не меньше членов, чем мы. Но у них 98, даже 99 проц. одних рабочих, как в свое время было и у нас. Германская компартия есть партия, которая готовит восстание. Она—партия, которая 99 проц. своего времени посвящает, как в свое время делали и мы, пропаганде и агитации. Вот почему у них кризисы имеют совершенно другой характер, чем у нас.

У нас мог бы стоять выбор такой: маленькая партия, 100—150 тыс., состоящая исключительно из рабочих—вот одна из возможных перспектив. Другая перспектива: партия, которая состоит не только из рабочих, но и из крестьян и служащих и частью из интеллигенции, в которой мы пытаемся серьезными революционными мерами, иногда постепенно и медленно, а иногда довольно быстрыми шагами, как теперь, увеличить удельный вес рабочей группы в партии. Вот две возможные перспективы. Из них мы сознательно выбирали и выбираем и теперь вторую. Мы не можем пойти на то, чтобы превратить опять нашу партию в исключительно рабочую по составу на 95 или 98 проц. из рабочих. Почему не можем? Потому, что мы решили уже первоначальную задачу низвержения буржуазии, мы решаем сейчас другую, гораздо более высокую, задачу управления государством, которое мы взяли в свои руки. Управлять же государством в такой стране, как наша, где громадное большинство принадлежит крестьянству, нельзя, конечно, партии, которая имела бы в своих рядах исключительно городских

рабочих. Вот почему наша партия не может быть теперь исключительно рабочей по своему составу. Это, товарищи, надо ясно видеть.

Один молодой товарищ сказал, что „вся беда“ нашей партии заключается в том, что она стоит у власти. Здесь в парадоксальной форме высказано кое-что правильно. Действительно, если-бы он сказал, что **все трудности** нынешнего дня заключаются в том, что партия стоит у власти, это было бы верно. Да, все „**несчастие**“ партии состоит в том, что она стоит у власти, с позволения этого товарища, и все **счастье** ее заключается в том, что она стоит у власти. Ибо партия ведь не есть самоцель и не может быть ею. Партия есть не что иное, как орудие освобождения всего рабочего класса и всех трудящихся.

Вот почему мы отличаемся теперь от германской коммунистической партии и не можем вести курса на превращение нашей партии в **исключительно** рабочую по составу. Мы должны итти по второму пути, но, однако, мы должны и можем, (для этого создалась теперь историческая обстановка, о которой я еще буду говорить) теперь в сильной степени увеличить удельный вес рабочей группы в нашей партии уже не медленными мерами, не в гомеопатических дозах, а революционными мерами, о которых я еще буду говорить.

Таким образом, товарищи, я думаю, что для того, чтобы понять суть наших споров, недавно закончившихся, нам нужно, отвлекаясь от всех мелочей, которые неизбежны в каждом споре, отвлекаясь от того обострения, которое прошло и, надеюсь, навсегда, мы должны помнить, что есть кое какие **большие, основные, коренные трудности, с которыми нам всегда придется считаться.**

Когда перед нами будет стоять какой-либо новый поворотный момент, когда назреет вопрос о принятии каких-либо новых крупных политических, или внутрипартийных, или организационных решений, перед глазами каждого ответственного работника нашей партии должна стоять та схема нашей партии, тот чертеж ее, который мы с вами здесь пытались набросать для того, чтобы представить себе сколько-нибудь наглядно, каковы те трудности, какова та обстановка и та материальная среда, в которой приходится работать нашей партии.

3. ГОРЬКИЙ БЫТ.

Кроме этих об'ективных трудностей у нас, разумеется, были и, конечно, будут еще и суб'ективные ошибки. Мы слишком долго по инерции оставались в кругу идей военного коммунизма. Мы не проявили тут, может быть, достаточной эластичности. Мы слишком долго задержались на определенном этапе, который надо было пройти быстрее. Это было. Я считаю в высшей степени преувеличенным, когда пытаясь говорить о недавном прошлом нашей партии, „критики" кричали, что партия наша хромая, слепая, глухо-немая и и т. д. Это вздор: если бы она была хромая и слепая, ее бы давно спихнули в могилу. Охотников было бы достаточно, сил работало над этим не мало, над этим работала не только вся внутренняя контр-революция, но и вся международная буржуазия. Но что в нашей партии были слабости, это безусловно. Но когда говорят, что партия наша живет на 2 этажа, я считаю, что это значит отравлять партию. Нельзя этого говорить, ибо это неправда и демагогия. Но это не значит,

что мы не должны видеть тех теневых сторон, которые в жизни нашей партии были. В ответ на мою статью, опубликованную 7-го ноября, мы получили около 1.000 откликов. Все их не удалось еще прочитать и до сих пор, но из тех, которые удалось прочитать, я считаю наиболее интересным документом письмо одной московской работницы т. Соколовской с фабрики „Красная Звезда“, которая писала мне под заголовком „Горький быт“: „Придешь на собрание и сидишь, как необходимая часть, придаток к машине, принимаешь к сведению—и больше никаких. А самый-то корень жизни нашей партии полностью остался непонятным. На собрании ты сидишь и принимаешь тот или иной вопрос к сведению, а уйдя с собрания, ты этот вопрос жуешь, как сухую корку, таишь в своей больной груди. Теперь коснусь местных выборов: ты—меня, я—тебя, и больше ни гвоздя; мы—передовые: тебе стыдно меня отвести, мне стыдно тебя отвести; против нет никого, принимается единогласно: товарищи, поддерживайте список“. Товарищи, вы все знаете, что здесь перед нами моментальная фотография с некоторых больных сторон нашей внутрипартийной жизни, скрывать которые было бы грех. Резолюция Политбюро нашей партии и Президиума ЦКК от 5 декабря 1923 г. принята всерьез и надолго, проводить ее мы должны серьезно именно потому, что такой „горький быт“ в нашей партии был, и что мы должны побороть его во чтобы то ни стало: этот „горький быт“ партия коллективной рукой должна взять за горло и положить на обе лопатки. Много было шума и не мало меня упрекали по поводу того, что я в своей статье сказал о господствовавшем у нас „штиле“. Но, товарищи,

я сошлюсь на то, что и другие товарищи употребляли такие же слова. Вы помните, когда на X С'езде Владимир Ильич говорил, что у нас пассивность продолжится еще года два и только тогда рабочие выразят нам полное доверие, когда вернется настоящий рабочий на заводы. Чем же слово „штиль" хуже, чем слово „пассивность"?.

Но не то плохо, что мы сказали громко и с подчеркиванием, может быть, провозгласили, что в нашей партии есть темные стороны, а плохо то, что по этому поводу пытаются создать лишние трудности для партии.

Никто никогда не возразит против письма этой работницы Соколовской, которая не пощадила красок. Она написала так, что каждое слово бичует наш быт, бичует то, что было плохого в нашей партии. Да, это был горький быт, но он в значительной части связан также и с об'ективными причинами—с голодом, с распылением пролетариата, а также с суб'ективными трудностями, с тем, что мы слишком долго задерживались на определенных этапах, вместо того, чтобы итти дальше.

Если бы наши товарищи-критики указывали на недостатки партии в товарищеской форме; если бы при этом чувствовалось, что у них также болит душа, как у этой работницы, у нас не было бы таких острых споров. Если бы товарищи-критики позаботились, кроме того, привести некоторые деловые указания, как исправить зло, то мы были бы им искренне благодарны.

Обострение спора началось с того момента, когда положение партии стали изображать исключительно в черных красках, когда стали говорить о двух этажах, т. е. бросать ядовитые

слова о партии, не давая никаких указаний как же из трудного положения выйти.

На фоне всего этого, у нас выкристаллизировались споры по вопросу о молодежи, о перерождении, о партаппарате. Эти вопросы разрешены партконференцией. Вы имеете эти решения, к которым вы все, по всей вероятности, примкнете. Моя задача заключается в том, чтобы подытожить наши споры и сделать некоторые выводы.

4. ВОПРОС О МОЛОДЕЖИ.

Чем больше мы отходим от этих споров, тем больше выясняется истинная обстановка в нашей партии. Возьмем спор о молодежи. Никто не позаботился привести цифры о том, как обстоит дело в этом отношении по губкомам и губисполкомам. Представляли дело так, будто у нас имеется группа старой гвардии, которая не понимает, что нужно дать доступ на широкую политическую арену и новым слоям партии ее, по октябрьским ее слоям. Если бы наша старая гвардия, действительно, была так настроена, что она все хочет делать одна за всю партию, если бы она не понимала основной задачи привлечения молодого поколения нашей партии к широкой работе, тогда этой старой гвардии была бы грош цена и, конечно, она не заслужила бы даже того, чтобы о ней спорили. Само собой разумеется, что главная задача старой гвардии состоит в том, чтобы быть передаточным колесом от основного ядра партии к новым ее слоям, помочь этим слоям выйти на широкую дорогу.

Никто из критиков не позаботился выяснить и проверить, действительно ли небольшая группа

членов партии, которая до 1905 года составляла 2 с половиной тысячи, а до 1916 года 7 с лишним тысяч, не дает возможности новым слоям выйти на широкую дорогу.

Теперь мне удалось собрать некоторые цифровые материалы, которые, я думаю, послужат лучшим аргументом в нашем споре.

Посмотрим, например, каков состав пленумов губкомов, которые были главным предметом этих нападок. Посмотрим, верно-ли, что в них, в основных органах партии, засела исключительно маленькая группа стариков. Имеющиеся у меня материалы доказывают, что это не верно. Поступивших в партию до 1917 года среди членов губкомов (во всей партии) только 4,2%, поступивших в 1917 г.—24%, поступивших после 1917 г. —36%. Другими словами, поступивших с 1917 г. и позже в губкомах—60%. Далее, по возрасту: до 25 лет—8,7%, от 26 до 35 лет 49,6% и остальных только 34%, т. е. другими словами, в возрасте с 26 лет до 35 лет мы имеем 50% членов губкомов. Можно ли сказать, что это, действительно, мафусаилов возраст, что там сидят люди, из которых сыплется песочек? Из этих цифр следует, как раз, обратное, т. е. то, что у нас иногда слишком молодой состав. У нас зачастую управляют целыми уездами, обнимающими довольно значительную территорию, совсем молодые товарищи. То же бывает и в губерниях.

А каков состав губисполкомов, этих центральных узловых административных, советских органов нашего Союза Республик? В числе членов губисполкомов, поступивших в партию до февральской революции, 22%, поступивших в 1917 г. —20%, поступивших в 1918 и 1919 годах—44%.

Итак, с 1917 года и позже—64%, а если прибавить и остальных, вошедших в партию после февральской революции, то получится 78%. Можно ли сказать, после этого, что у нас в центральных основных органах управления Союза Республик нет достаточно молодых товарищей, того поколения, которое составляло сильнейшую сторону нашей революции? 78%, мне кажется, достаточно, все таки, солидный процент.

Возрастной состав членов губисполкома (у нас есть сведения и относительно членов ВЦИК"а, но так как это сравнительно малая группа, то я не буду на ней останавливаться): до 25 лет 6%, от 26 до 35-ти лет—54%. Опять и опять вы видите, что основной возраст, около 26-ти лет, составляет громадное большинство. Можно ли сказать, что наш состав губисполкомов непременно нуждается в омоложении? Мне кажется, что скорее приходится сказать обратное.

А вот президиумы губернских советов профессиональных союзов: поступивших в РКП до февральской революции—19%, поступивших в 1917 г.—10%, поступивших в 1918 и 1919 годах—46,7%. Считая с 1917 г. и позже,—71%. По возрасту состав таков: до 25 ти лет—9%, от 26-ти до 35-ти лет—56%. Опять и опять товарищи, где же мы видим тут какой-то наплыв стариков, где мы видим тут монополию старой гвардии? Наоборот, мы видим, что почти 60% и в этих органах сидит, как это и следует, людей того возраста из октябрьского поколения, который является основой нашей революции. Если взять сведения учраспреда, (есть такое „страшное" учреждение, которое подверглось особой бомбардировке во время дискуссии, это „аппаратчик"

из „аппаратчиков“), то там на учете состоит 8.014 руководящих всероссийских, областных и частично губернских работников. Из них „подпольников“ до 1917 года—1906 или 21%, а 79% наших ответственных работников всероссийских, областных, губернских и частично уездных (79%, товарищи!) вошли в партию после 1917 года. Можно ли сказать, товарищи, что тут у нас не соблюдена пропорция и что Центральный Комитет будто-бы считал, что чем старше, тем всегда лучше? Я мог бы вам привести еще ряд таких же цифр, но, думается, этого будет достаточно. Приведу еще только цифры относительно председателей губисполкомов, т. е. советской верхушки Учтено 110 председателей. Из них до 1911 г. были в партии 36 человек, до 1916 года г.—11 человек, до 1917 г.—22 чел., до 1919 г.—33 чел. и 1920 года—8 человек. В процентах товарищей, вошедших в партию, начиная с 1917 г. и позже —58%. Можно ли здесь сказать, что не соблюдена пропорция? Нет, этого сказать нельзя. Таким образом, мне кажется, что в этом вопросе товарищи из оппозиции жестоко промахнулись не только теоретически, не только принципиально, но и фактически, поднявши крик вместо того, чтобы порыться в материалах, собрать данные.

Если бы оказалось, что партия в деле распределения людей не соблюла пропорции, тогда была бы опасность, тогда нужно было бы вносить поправки, но и тогда партия должна была это сделать спокойно, организованно, через свою партию, как подобает большевикам. Однако, на деле оказалось, что никакой диспропорции нет, что поправок вносить не нужно, скорей необходимы поправки в другую сторону. А товарищи,

не справившись в святцах,—бух в колокола. Они пред'являют обвинительный акт партии, поднимается громадная волна возбуждения среди наиболее незрелых элементов, среди учащейся молодежи.

И тут некоторые цифры будут для вас интересны. В Москве есть район—Хамовнический, где победила слабым большинством оппозиция. Интересно взглянуть на состав этого района. Там преобладают учащиеся (много вузов). Но среди самих учащихся соотношение такое: из общего чила коммунистов-учащихся в 2 721 человек приходится на бывших рабочих—15%, бывших крестьян - 7,7%, служащих и проч. 75,2%. Вот каков иногда бывает состав нашей учащейся молодежи. Товарищи, как будто не грех было бы раньше, чем пред'являть обвинительный акт своей партии и поднимать молодежь против основных кадров партии, справиться с некоторыми цифрами и узнать, что в одном из районов в Москве, а не где-нибудь в Чухломе, среди студентов-коммунистов 75% не рабочих и не крестьян, а, как здесь сказано,—„служащих и прочих". Вы знаете, мы пытались ставить серьезные рогатки в последние годы для вхождения в нашу партию. Кто обскакивал эти рогатки? Рабочий не обскакивал, крестьянин мало их обскакивал, а обскакивали вот эти „служащие и прочие". Они через все рогатки проскочили в партию. И это понятно. Возьмем Украину, она мне немного знакома. Конечно, украинский экстерн—бойкий парень, конечно, он обскачет 10 раз шуйского ткача. Ткач поленится 5 раз пойти в Комитет, он не знает, как это сделать, он не будет искать рекомендаций, а экстерн найдет и пять рекомендаций и пройдет в партию.

Это относится, если и не к „горькому", то, во всяком случае, не к сладкому быту нашей партии, но это факт. И вместо того, чтобы видеть это, вместо того, чтобы справиться, как обстоит дело в Хамовниках, авторитетнейшие товарищи из оппозиции по этой линии подняли борьбу против основных кадров нашей партии, не разобравшись в фактах, не видя того, что если и есть какая-либо опасность, то как раз с другой стороны.

Чтобы покончить с цифрами, я приведу вам сведения о коммунистах в Красной армии; как я сказал, их около 40 тысяч, точная цифра—38 179. Из них бывших офицеров—4%, бывшего младшего комсостава в старой армии—14 1/2%, бывших рядовых — 18%, не служивших вовсе — 63%. По возрасту: 23 лет—25%, 24 лет—40%; 25 лет—28%. Вы видите, что самый молодой возраст—23-24-25 лет составляет и в этой группе почти 3/4 коммунистов. Можем ли мы говорить тут о каком-нибудь засилии старой гвардии? Разве мы не видим и тут того же, что мы видели и в других областях, а именно того, что цвет, молодое поколение, выкованное революцией, без которого никакие старики в партии ничего не могли бы сделать, составляет на 3/4 группу коммунистов и в нашей Красной армии? В данном случае приходится жалеть не о том, что слишком много партийных стариков в Красной армии, а скорее об обратном.

Мне кажется, что цифры эти достаточно ясно показывают, что линия нашей партии, нашей партийной конференции в этом вопросе была и остается глубоко правильной. Ход событий сигнализировал нам некоторые опасности, которые имеются в этой группе учащихся членов нашей партии. Хорошо то, что мы увидели эту опас-

ность: лучше раньше, чем позже. Это не значит, что мы должны поссориться с этой группой членов нашей партии. Ни в коем случае! Да, у нас получилось такое ясное разделение:—рабочие ячейки во всех крупных центрах за линию большевизма, за линию ЦК, а в ВУЗ'ах иногда—большинство против. Я сам слышал от старого рабочего большевика, как он говорил несколько сурово: „раньше у нас говорили, что ребята бузят, а теперь приходится говорить, что ребята вузят (от слова ВУЗы). Было несколько обидно основному поколению рабочих большевиков видеть такое положение, какое было в Хамовниках и других местах. Значит ли это, что мы махнем рукой и скажем:—они „вузят", махнем на них рукой. Ни в коем случае. Это было бы ошибкой. Мы не можем махнуть рукой на эту группу наших членов партии, но не можем даже допустить, чтобы в какой-нибудь мере остался осадок против них.

Что тут нужно? Нужно то, что решила конференция—учить, учить и еще раз учить. Раз'яснять, раз'яснять и еще раз раз'яснять. Вот что нам нужно по отношению к этой группе молодежи.

Конечно, у значительной части этой группы уже сейчас произошел перелом, у другой, это будет, может быть, позже. Ход событий, вероятно, некоторые группы, наименее социально связанные с нами, отсеет от нас. Но понятно, что группа членов партии, выделенная нами для того, чтобы учиться и потом поработать в рядах нашей партии, должна встретить достаточно дружелюбия со стороны наших партийных организаций и достаточно терпения. Опасность сигнализирована. Мы видим, как через эту среду получается обволакивающее влияние мелкой буржуазии. Но против

этого яда мы употребим в должной дозе противоядие, мы сумеем достаточно терпеливо, как учил нас Владимир Ильич, раз'яснять этим людям, у которых, конечно, добрые намерения, которые хотят быть большевиками, но еще не сумели стать ими, их ошибки. Так обстоит дело с вопросом о молодежи.

Мы стоим по прежнему на том, что стержнем нашей партии должна оставаться та группа работников, которой выпало на долю пережить три революции, создавать нашу партию, тот костяк рабочих большевиков, которые помогли В. И. создать нашу партию, из которых, конечно, многие погибли, но часть еще жива. Вы знаете, что их приходится ценить не по количеству только. Вы знаете цену такому старому рабочему, кадровику—большевику. У нас таких дубов из рабочих—большевиков осталось некоторое количество в центрах. Мы вместе с тем понимаем вполне, что основная масса членов нашей партиии, вошедшая после октября, не имеет подпольного стажа, но имеет другой стаж, который во многих отношениях не хуже. Она имеет стаж гражданской войны. Это поколение, выкованное и закаленное в ходе гражданской войны, выдвинулось из низов, из этого чернозема и состоит из превосходнейших людей. Между этими двумя поколениями должна быть в партии известная пропорция, за соблюдением которой мы должны следить. Если бы начались неправильности, то, конечно, ЦК и все рычаги партии должны были бы быть приведены в движение, чтобы эту пропорцию восстановить. Но из всех собранных цифр совершенно ясно, что эта пропорция в общем и целом соблюдена.

Вот почему глубоко ошибочным было ста-

вить дело так, будто учащаяся молодежь является барометром нашей партии. Вот вы видите сейчас переломный момент в жизни нашей страны и нашей партии в связи с кончиной Владимира Ильича. Где настоящий барометр? Он—среди тех рабочих, которые могучей волной устремились в партию. Вот это под'ем, который дает возможность обновить партию рядом революционных мер, создать как бы новую партию. Вот действительный барометр. Кто же не видит, что это есть настоящий барометр, который позволяет определить правильное соотношение классов в нашей стране, который дает возможность видеть, крепко ли стоит пролетарская диктатура.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ.

Перехожу к вопросу о перерождении. Здесь было внесено особенно много раздражения, я не буду на этом останавливаться, возьму то, что имеет принципиальное значение. Вы знаете, что был брошен упрек основному ядру ЦК и старым кадрам партии вообще, что они не застрахованы от перерождения и что даже, может быть, это перерождение началось.

Теоретически говоря, это перерождение возможно, эта опасность не исключена, и мы никогда на это глаз не закрывали. И тут нужно было, прежде чем бросать такой упрек, выяснить путем анализа действительную политику этой группы в области хозяйства, в области международной политики и в области классовых взаимоотношений. Нужно было попытаться доказать, что действительно эти упреки имеют под собой какую либо почву. Вы знаете, что в данном случае такой попытки

не было сделано. А если бы она была сделана, то ничем, кроме краха, она не могла кончиться.

Спросим себя, что означает в нынешней обстановке упрек в перерождении. Что хотели этим сказать? В нашей стране судьбы республики определяют ныне 2 класса—рабочий класс и крестьянство. Мы считаем себя пролетарскими революционерами, которым, благодаря правильной политике, удается руководить основными массами крестьянства. Если нас упрекают в перерождении, то это имеет лишь тот политический смысл, что вот, мол, вы считаете себя пролетарскими революционерами, а сами не заметили, что с'ехали с пролетарского седла и попали на крестьянское, или, другими словами, превратили пролетарскую политику в мелкобуржуазную. Делался ли когда либо раньше такой упрек большевикам? Да, он делался еще в самый момент зарождения большевизма. Вот одна маленькая выдержка: „почему бы проказнице истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального революционного марксизма?“ Кто писал эти слова? Это писал Павел Аксельрод в 1903—4 г. По адресу кого? По адресу Ленина. И их в то время с удовольствием цитировал тот самый товарищ, который ныне бросил нашему ЦК обвинение в перерождении. Тов. Ленину не раз и не два в течение всего хода борьбы с меньшевиками бросали упрек в том, что ты мнишь себя пролетарским революционером, но почему бы проказнице истории не пошутить такой шуткой, что на деле ты окажешься не чем иным, как мелкобуржуазным пролетарским демократом, а вовсе не пролетарским революционером. По этой линии шла борьба долгие годы, когда меньшевики еще

кутались в тогу ортодоксальных марксистов и обвиняли большевизм, что будто бы он совершает оппортунистический уклон в сторону мелкой буржуазии. Вот почему это обвинение, поскольку оно имело какое нибудь политическое значение,—было рецидивом меньшевизма: оно повторяло те основные обвинения по адресу большевиков, которые мы слышали с момента зарождения большевизма.

Здесь дело не в лицах, мы знаем, что в горячем споре обе стороны горячатся, а дело в политическом содержании этого обвинения. Дело не в том, что обвиняли „Х" или „У", а дело в том, что большевизму, как направлению, как политической школе, с самого начала бросался этот упрек, что вы себя считаете марксистами, а на самом деле возглавляете мелкую буржуазию. Было ли это обвинение верно, судите сами. Я думаю, что оно было глубоко неверно и что партия наша дала на этот счет недвусмысленный ответ.

VI. ВОПРОС О ПАРТАППАРАТЕ.

Третий вопрос, о котором мы спорили, это вопрос об аппарате. Я не буду тут подробно на нем останавливаться, отсылая товарищей к своей статье на эту тему. Я приведу только цифры, которые говорят, что весь наш аппарат по Союзу Советских Республик обнимает всего 18 тысяч человек, в том числе ответственных — 8-9 тысяч. Для такой громадной страны, как наша, где партия обслуживает не только чисто партийные надобности, но и государственные, это не есть чрезмерная цифра. Я приводил в своей статье статистику относительно ответственных работников, как центральных аппаратов, так и в ЦК. Из этих

цифр было уже видно, что работники не засиживаются в этих аппаратах, а большинство работников даже года не просидело, т. е. не имеет той надлежащей специализации, которая необходима. Теперь совершенно ясно, что по внешности мы спорили об аппарате, а по сути о другом. Тут мы подошли вплотную к вопросу, на который я намекнул в своем вступлении: к вопросу о взаимоотношениях партии и государства, о взаимоотношениях мнимого бюрократизма в партийном аппарате и действительного бюрократизма в советском аппарате. Я не говорю, что у нас совершенно нет бюрократизма в партийном аппарате,— он есть, и партийный аппарат нужно чистить от него, но нужно это делать умеючи. Как рабочие говорили на дискуссии: чистить машину хочешь? Хорошо. Если у тебя есть вторая машина, тогда можно первую остановить и чистить, а если второй машины нет, нужно чистить на ходу, но так, чтобы головы не поломать. Эти же рабочие говорили: мы понимаем эту тактику оппозиции: „бей по столбам, а забор сам упадет". Рабочие прекрасно разбирались, прекрасно понимали в чем дело. Мы спорили не только об аппарате, но кое о чем другом: о том, в каком отношении находится партийный аппарат к советскому.

Вы помните, товарищи, статьи Владимира Ильича относительно советского аппарата. Он не оставил камня на камне в нашем советском аппарате, бросив упрек, что наш советский аппарат напоминает старый царский аппарат. Худшего обвинения быть не может, и мы знаем, что это обвинение более или менее правильно. С тех пор кое какие успехи достигнуты, но все еще недостаточные, государственный аппарат все еще плох,

и нам предстоит над ним работать годы. Бюрократизм советского аппарата—вот основной наш враг. И здесь это об'ясняется не плохой волей наших администраторов, а тем, что государственный аппарат вырос на старом фундаменте, мы не могли его высосать из пальца, мы должны были его строить из старых кирпичей. Куда же апеллировал Владимир Ильич против этого советского бюрократизма? Он аппелировал к партии, к партийному аппарату. Вот где мы искали спасения. Тов. Лениным выдвинут был определенный план: ЦКК и РКИ, еще не проведенный, и мы должны его провести. Мы наблюдаем такую картину, что многие из матерых бюрократов,- имена я не буду называть,—были самыми от'явленнейшими „демократами" в этой дискуссии.

Когда им преподносили демократическую резолюцию, им этого было мало, подай им еще больше „демократии". Что это показывает? Это показывает, что эти матерые демократы знают, что у нас есть такой железный партийный большевистский аппарат, который не только принимает резолюции,—мы знаем, что это дешево стоит,—а может железной рукой схватить за горло, достать из под земли в любом комиссариате такого бюрократа и поставить его на должное место. Вот для чего нужен этот аппарат. Вот почему иногда не любят „аппаратчиков".

Такова координация советского бюрократизма и бюрократизма партии. Бюрократизм в партии есть, бороться против него надо. Но все таки если мы сравним эти две машины, то мы в порядке очередности говорим: мы должны через партийный наш аппарат чистить советский, в то же время подчищая свой партийный. И тут мы

подошли к сердцевине вопроса о взаимоотношениях партии и государства. Все те элементы, которые нам давно известны, которые печально прославились тем, что они хотят немножечко освободиться от „излишней“ опеки партии, вновь дали о себе знать. Опять—таки не буду называть имен, вы сами многих знаете, ибо вы помните дискуссию перед XII с‘ездом партии, как они бешено нападали тогда на наш партийный аппарат, потому что они хорошо знали, что если удалось бы ослабить этот стальной, этот железный большевитский парт-аппарат тогда, действительно, наступит некоторая „свобода“, „раскрепощение“, эмансипация от партийного влияния. Таким образом, в этом пункте перекрестились все основные вопросы, связанные с основами пролетарской диктатуры. Здесь встал основной вопрос о взаимоотношениях партии и государства.

VII. ВОПРОС О ФРАКЦИЯХ.

Наконец, последний вопрос, который вызвал так много споров, это был вопрос о фракциях. По этому вопросу у нас было особенное единодушие в партии, и я на нем н буду останавливаться вовсе. Вы знаете, что мы решили опубликовать один из пунктов неопубликованной резолюции, которая была в свое время предложена тов. Лениным и принята на X с‘езде партии. В № 22 „Прожектора“ вы можете найти фотографию, настоящую фотографию, с рукописи резолюции, написанной тов. Лениным и принятой на X с‘езде против фракционных группировок.

Я думаю, товарищи, что не стоит распространяться перед вами теперь, насколько опасна

фракционность в нашей стране. Вспомните о том чертеже нашей партии, который я вам чертил в начале своего доклада. Вспомните о партийно-возрастных делениях, о делениях по отраслям работы, по специальностям. Вспомните, что там оказалось 50 клеточек, и тогда вы увидите, в чем опасность фракции у нас. Было время, когда и мы были фракцией в 2 Интернационале. Мы 10 лет или даже больше жили в одной партии вместе с меньшевиками и были только фракцией. Такие времена были. И мы тогда боролись за расширение прав фракции. Не хорошо поступил тов. Тер-Ваганян, который выпустил недавно книжку, которая озаглавлена „Ленин о задачах внутрипартийного строительства", где он приводит цитаты тех времен, когда Ленин и мы были в плену у меньшевиков, были фракцией в общей с меньшевиками партии и, конечно, требовали себе прав. Он цитирует эти слова и говорит, что Ленин смотрел на эти вопросы не так, как смотрит партия теперь. Хорошо это или нет, товарищи? Я думаю, вы сами понимаете, что это не хорошо. Тогда было такое время, когда мы были сами фракционерами и стояли за фракцию, добиваясь для них прав. То время прошло. Теперь Коминтерн стремится быть партией, вылитой из одного куска в международном масштабе. Что означают фракции, например две фракции в Красной армии. Никакой Красной армии? Что означают две фракции в ГПУ? Это значит никакого ГПУ и вы это сами отлично понимаете. Если мы дадим им полную свободу фракций, получится то, что в каждом из приведенных выше 50 делений можно будет еще 5 новых делений создать. Если еще хозяйственники распадутся на фракции, если

еще наши дипломаты распадутся на фракции,—а почему бы нет,— если наши профессионалисты распадутся на фракции, если красноармейцы распадутся на фракции, то что у нас получится? Получится гибель советской власти и гибель пролетарской диктатуры.

Вот почему мы с такой страстью и с такой непримиримостью отнеслись к этому вопросу. Товарищи иногда представляли дело так: сами они (т. е. мы) любят, де, быть фракцией, а другим не дают. Обвинение это несостоятельное. Вы знаете, что Центральный Комитет нашей партии был избран 0,99 голосов. Товарищи из оппозиции обещали нам, что и на будущем с'езде ЦК будет также избран единодушно. Поживем—увидим. Но, во всяком случае, какая это фракция, когда Ц.К. избран 0,99 голосов? Нет, товарищи, тут дело не в голой перебранке, а в том, что наступила другая историческая эпоха. Было время, когда мы могли быть фракцией в Интернационала; было время, когда мы могли быть фракцией в общей с меньшевиками партии. В 1908 г. Владимир Ильич (я вам цитировал на торжественном заседании отрывок из того, что писал тов. Ленин) говорил, пока это еще фракционный литературный спор, а кончится он гражданской войной. Так оно и случилось. Гражданская война развела эти прежние фракции и литературные группировки по разные стороны баррикад.

Если мы хотим управлять страной, мы не можем допустить таких моментов (есть логика фактов), которые таят в себе раздвоение диктатуры, параллелизм в правительстве. Ибо параллелизм в партии, две правящих группы в партии означал бы две правящих группы в правитель-

ство. Это была бы раздвоенность диктатуры, а это, в свою очередь, было бы гибелью пролетарской диктатуры. Вот почему в вопросе фракции мы должны были занять ту оппозицию, которая вам известна.

VIII. ЧТО ЗА ЭТИМ СТОИТ В СТРАНЕ?.

Так обстоит дело с нашими внутрипартийными спорами. С точки зрения коренных принципов большевистской партии мы абсолютно правы. Чем дальше мы отходим от этих споров, тем яснее, что с точки зрения ленинской, большевистской партии, мы целиком и полностью, до последней запятой, правы против тех, которые пытались потрясать партию в эти месяцы. Но, товарищи, мы не были бы большевиками, если мы органичивались этим ответом, что мы правы, как большевики. Мало ли что? Да разве в России каждый крестьянин обязан быть большевиком? Мы знаем, что Россия обнимает 140 миллионов людей. В ней много большевиков, но много и небольшевистского, рыхлого мелкобуржуазного, мещанского даже и в рабочем классе, и, думаю, нечего греха таить, имеется, отчасти и в нашей партии. „Мало ли что мы правы, с точки зрения большевиков? Это еще только полдела. А настоящий вопрос заключается в том, что же, однако, за всем этим стоит в стране? Конечно, мы, как большевики, были правы против, скажем, кронштадтских бунтарей (извините за сравчение), что и говорить. Однако, на завтра же встал вопрос, что же однако за этим стоит в стране, что они выразили. Теперь после пережитой дискуссии кризиса, мы обязаны тоже поставить перед со-

бой именно этот вопрос. Вот почему, я думаю, товарищи, что главный вопрос заключается теперь уже не в том, чтобы решить, правы ли мы, старые большевики, или те оппозиционеры, которые критикуют нас, ибо этот вопрос решен, и решен окончательно: во всех партиях Коминтерна очень скоро тоже это поняли. Вопрос сейчас в том, что же, однако стоит за этим в стране. При этом, товарищи, конечно, надо подходить к этому вопросу не упрощенно. Не так стоит дело, что такой-то, имя рек, выражает в стране, и что выражают его противники. Конечно, надо взять все это явление в целом. Вероятнее всего, что оно отражает какой-то довольно глубокой процесс. Я думаю, что оно отражает две вещи: во-первых, рост активности самих рабочих масс. Рабочие теперь, когда им уже не приходится думать о куске хлеба, когда этот вопрос более или менее разрешен, стали активнее, они выросли на целую голову. Среди беспартийных рабочих накопилось много культурно выросших элементов, которые хотят участвовать в нашей партийной работе, в профсоюзах, в советских органах.

Все они за эти шесть лет пережили столько, сколько раньше не переживали за целую жизнь. На фабрики и заводы вернулось около полумиллиона рабочих, коренных пролетариев, которые уверовали в Советскую власть, которые многому научились, закалились, которые стали грамотнее. У них руки чешутся, они хотят работать, хотят по настоящему участвовать в партии, в советской организации, в профсоюзах. И в крестьянстве есть такой слой молодняка, главным образом, через Красную армию воспитанного, который также созрел, поднялся, вырос, возмужал и хо-

чет по настоящему участвовать в строительстве новой жизни. Вот это есть первое явление, которое служило подпочвой наших споров. Это явление, разумеется, в высокой степени положительное, которое станет источником новой силы для нас, притоком свежей крови к партийному организму. И, разумеется, на этой основе по старому нельзя руководить партией. Если у нас есть сто или больше тысяч новых культурно подросших активных рабочих, то, конечно, для того, чтобы их вовлечь в наши ряды, для этого жизнь партии должна оживиться, для этого нужно внутрипартийную демократию ввести серьезно, по большевистски, энергично и настоятельно, как это требует сейчас время.

А второй момент заключается в следующем: в нашей стране растет и подымается не только рабочий класс, и не только лучшая часть крестьянства,—растет и подымается прослойка новой буржуазии городов и деревень, мелкой буржуазии, которая добивается теперь для себя прав политических, которая ставит вопрос, как вы увидите дальше, о „политическом нэпе". Я вам приведу, товарищи, несколько литературных материалов на этот счет, потому что политических материалов у нас очень мало, опять-таки потому, что монополия легальности у нас, и у нас не так-то легко заявить себя буржуазной демократии так, как она этого хотела бы. Поэтому, отголоски этого явления приходится искать, больше всего, в зарубежной белогвардейской прессе.

Вот передо мной журнал „Воля России", который выходит в Праге и издается правейшими эсерами. Там помещена статья некоего „Зрителя", который описывает беседы с приезжающими из

России представителями советской буржуазии. Товарищи, так как с представителями советской буржуазии, мне, грешному, думаю и вам лично приходится встречаться довольно редко, то особенно интересно встретиться с ними хотя бы в виде такого литературного портрета. Этот правый эсер с возмущением описывает, как эта советская буржуазия настроена теперь в пользу Советской власти: „Теперь (приезжающие из России) и одеты прилично, и выглядят сытыми людьми". Потом он допрашивает о туалетах одну из советских буржуазных дам. Та говорит, что у нас в витринах выставлены туалеты не хуже, чем у вас за-границей. Наконец эсер начинает агитировать, что нужно скинуть Советскую власть, а приезжие советские буржуа отвечают: „Вы же видите, что они не скидываются". Одним словом, эта советская буржуазия настроена довольно дружелюбно к нам. Тем более интересны отзывы. Мне теперь приходится задавать вопрос: ну, скажите, а что же **отрицательного** вы видите в жизни современной России, если, по вашему, все идет к улучшению и благополучию? И вот почти все отвечают: „нет газеты, которую мы могли бы читать (оказывается „Известия" их не удовлетворяют!), нет никаких обществ, в заседания которых мы могли бы пойти, нет свободы..." Все продолжает итти по указке... коммунистической партии. В этом отношении ничего не изменилось, хотя и наступил НЭП".

Мне кажется, этот отрывок очень интересен. Архирасположенная к нам „советская" буржуазия которая нас хвалит, которая говорит, что мы „не скидываемся" и что нас не скинуть, которая говорит, что есть у нее теперь и чай, и театр, и

белая булка и солисты, а вот своей газеты нет, а в свое собрание пойти нельзя. Переведите это на другой язык и выходит: нет политических прав для новой буржуазии, нет политической демократии в буржуазном смысле этого слова. Это совершенно ясно из этих слов. Пока была забота о куске хлеба, пока была знаменитая печка-буржуйка, и то не у всех, они не думали об этом, а сейчас вот они начинают думать о политических правах. Товарищи, это серьезная прослойка и серьезная „опасность", которую надо определенно видеть. В газете „Дни", которая издается правым с.-р. в Берлине, во время дискуссии писалось прямо: „**России нужен НЭП политический**"... Пока обыватель... не потребует себе „рабочей демократии", до тех пор никакая дискуссия .. весны не сделает".

Вот как ставит вопрос новая буржуазия, и ставит не случайно: в настоящий момент она должна его поставить, и неизбежно его поставит.

У русской эмиграции сейчас открылась дискуссия на тему о том, должны ли иностранные правительства признать Советскую Россию или не должны. Я об этой дискуссии говорить сейчас не буду, но одна статья об этой дискуссии захватывает и наш вопрос. В статье г. Прокопович, этот бывший министр Керенского, выступает против признания Советской России и говорит: что же, если признают их сейчас все правительства, иностранный капитал должен будет потечь в Россию, но для этого ему нужно будет предоставить известные политические права, иначе никакой капиталист не пойдет. И он заявляет по этому поводу так: „Вовсе не надо быть пророком, чтобы предсказать, что при настоящих условиях

бесправия (иностранные) капиталы „не придут“... А капиталы нужны... Значит остается другой выход,—дать иностранцам все права и гарантии. А нам?“.

А нам?— вопрошает Прокопович (смех). Вот как стоит вопрос,—совершенно реально. Если завтра нас будет признавать Франция, Англия и, вместе с тем, начнутся сношения с иностранным капиталом, то, значит, иностранная буржуазия получит какие-то права, и тут русские буржуазные демократы и сейчас же ставят вопрос.

„А нам?“

Вот, значит, как ставит вопрос наша буржуазия. Она его не ставила так в 1919 году, когда думала, что она нас скинет, а сейчас она его ставит, и будет ставить.

В связи с этим, наши споры получили совершенно другой характер. Меньшевик Дан в статье, которую мы вчера получили, пишет: „Только вынесши свою тяжбу с „аппаратчиками“ за грани партии, только поставив политическую проблему во всей полноте и расширив вопрос о „внутрипартийной демократии“ до размеров вопроса **о демократии государственной**, могла бы „оппозиция“, с известными шансами на победу, сделаться средоточием демократических социальных сил, заинтересованных и т. д.“ Вот как пишут меньшевики. Они знают, где раки зимуют, они говорят, что кое-какие шансы у критиков партии были бы только, если бы у оппозиции была смычка между этими новыми силами и теми, кто добивается „политического НЭП“а“. Конечно, товарищи, наши товарищи из оппозиции с негодованием отвергнуть эти заигрывания с нами. Я не говорю, что они в этом повинны. Но есть ло-

гика вещей, и я говорю: растет новая прослойка буржуазии, городской и сельской, которая находит себе политическое выражение. И, в связи с этим, крайне интересна выдержка из письма некоего Л-ина, проживающего в Москве и сотрудничающего в эсеровской газете „Дни".

В этом письме, озаглавленном „Дискуссируем", он пишет: Мы окончательно потонули в чудовищных слухах. Характернее всего, что эти слухи распространяют маленькие коммунистики, стоящие на периферии разных ячеек. У них появилось новое настроение: желают быть „интересными" для стоящих вне партии. Особенно те, которые принадлежат к оппозиции".

Это очень интересная бытовая черточка. В этих указаниях есть доля правды. Некоторая „смычка" обывательской группы в нашей партии с этими кругами получилась и, товарищи, в этом есть громадная политическая опасность.

Кускова, также небезызвестный вам автор, пишет в тех же „Днях:" „Если оставить в силе старые слова, что якобинизм может быть побежден лишь самими якобинцами, то для того, чтобы одна часть якобинцев наступила на горло другой, нужно, необходимо, чтобы у наступающей части уже образовался **психологический контакт** с новыми силами, выросшими из-под ярма коммунизма".

Вот как ставят дело люди, понимающие коечто в политике. Они уже готовы чуть ли не образовать нечто вроде „контактной комиссии" для связи с этими нашими товарищами из оппозиции. Конечно, товарищи наши за это ответственности не несут. Но мы видим, что Кусковы уже лелеют мысли, как часть якобинцев,—якобинцы—это мы с вами,—**наступят на горло другой части якобинцев.**

Мы надеемся, товарищи, добиться того, что обе части „якобинцев“ наступят на горло этой контр-революционной буржуазии, кот рая хотела бы от нас получить „демократию“ для себя. (Бурные аплодисменты).

Таким образом, товарищи, если мы спросим, что стоит в стране за всеми теми спорами, которые мы пережили и передумали, — а передумала партия за это время много, — мы должны будем сказать, что за ними стоят сейчас два крупных явления: 1) рост активности здоровых слоев рабочих, вернувшихся на фабрики и заводы, и некоторой прослойки крестьянства, у которых руки чешутся, которые хотят войти в партию. Лучшую их часть нужно взять, а для того, чтобы их привлечь, нужно провести рабочую демократию внутри партии.

Вторая же группа явлений заключается в том, что под скорлупой нэпа, — и мы, как марксисты, должны эт знать, — зарождается и начинает развиваться новая, б лее или менее активная сила новой буржуазии. Она нам нисколько не страшна Мы еще десятки раз сумеем п дстричь ей головку; но мы не должны забывать, что зреют новые силы в городах и деревне, что эти новые силы находят себе отражение и в кругах учащейся молодежи, и в некоторых советских спецах, и в новой буржуазии, которая думает: „Теперь у меня есть кус к хлеба, есть теплая квартира, театр, теперь давай мне газету и политические права“.

Помните, что говорил тов. Ленин: „Уступки крестьянину делать необходимо. Целый ряд уступок мелкому и среднему крестьянству абсолютно необходим, и даже с крупным крестьянством в не-

которых вопросах нужно искать соглашения, а меньшевиков и эсеров—в тюрьму".

Требование „нэпа политического"—это требование формулировано теперь с ясностью, которой не могло быть два года тому назад. Теперь эта формулировка представителей новой буржуазии дана. И мы должны видеть, что за нашими спорами стоит и кое-что от этой новой буржуазии и кое-кто из наших оппозиционеров служит рупором для этой новой мелкой буржуазии. Это не могло быть иначе. И именно потому, что мы имеем монополию легальности, именно потому, что в нашу среду входят такие люди, которые в других случаях были бы в другой партии, — неизбежно, что в известный момент тот или другой товарищ, или та или другая группа товарищей будет становиться рупором этих мелко-буржуазных слоев.

IX. ПАРТИЯ И БЕСПАРТИЙНЫЕ. ПРИЕМ 100 ТЫСЯЧ РАБОЧИХ ОТ СТАНКА В ПАРТИЮ.

Теперь мы переходим к выводам. Прежде всего, мы должны вновь указать на первое явление, которое я назвал положительным: на наших глазах новые слои рабочих, у которых руки чешутся, которые хотят активно участвовать в нашей жизни: они созрели для этого и тянутся к нам. Из этого явления вытекает та политика, которая вполне твердо намечена Центральным Комитетом нашей партии и которую вы должны начать проводить немедленно по возвращении на места.

Партконференция приняла постановление принять в ряды нашей партии не меньше 100 тысяч рабочих от станка. Теперь, в связи с кончиной Владимира Ильича, движение беспартийных стало

особенно ярким. Мы все это видим. Это есть самое замечательное явление наших дней. Мы видим теперь, после кончины Вл. Ильича, постановления целых фабрик и заводов о вхождении в партию, причем рабочие сами говорят, что надо выбрать самых крепких и послать их в нашу партию. Движение это приняло небывалый массовый характер. Не подлежит никакому сомнению то, что созревало это настроение исподволь. Эта потенциальная энергия накоплялась и раньше, мы ее видели в отдельных уголках, но сейчас она превратилась в кинетическую энергию, она выявила себя, показала себя наглядно. Это есть явление в высшей степени важное и отрадное, показывающее, как, несмотря на все превратности судьбы, мы остались единственной рабочей партией, связанной с массами. Это обстоятельство побуждает нас построить несколько иначе нашу партию. Центральный Комитет принял постановление, что мы проведем трехмесячную кампанию, чтобы влить в нашу партию не меньше ста тысяч рабочих от станка. Товарищи, тут надо прямо сказать, что у нас на этот счет были традиции не особенно хорошие: товарищи кое-где чувствовали себя не по себе, когда собиралось несколько сот рабочих. Конечно, рабочая масса не всегда так относилась к нашей партии, как относится сейчас. Вспомните Кронштадтский момент: как тяжело было нашим ячейкам на фабриках и заводах, когда они должны были с винтовкой в руках удерживать рабочих, чтобы они не ушли с завода. Был момент, когда мы были только меньшинством среди рабочих. Момент этот, правда, был очень краток и истороческая заслуга нашей партии заключалась в том, что, будучи меньшинством, мы сумели выполнить

нашу историческтю миссию. Этот момент был кульминационным пунктом наших трудностей.

Сейчас мы видим другой кульминационный пункт, другой полюс. Мы видим массовую волну симпатий беспартийных рабочих на новой экономической основе, когда рабочему стало житься легче, когда у нас прибавилось 400 тысяч рабочих за два года, когда растет заработная плата и производительность труда. Все вы должны теперь отбросить массо-боязнь. Все преграды для вступления в партию, которые были для рабочих от станка, надо убрать с дороги полностью и начистоту. Если мы будем мудрить, мы рабочих в партию не пропустим, опять пройдет только экстерн, но не рабочий. Нам нужно убрать все рогатки с дороги и пойти навстречу этой волне. Конечно, потом не все осядет в партии. Часть уйдет. Трудности будут. Если мы берем сто тысяч рабочих в нашу партию, то, конечно, их надо будет учить, воспитать. На это пойдут годы. Но мы должны как следует поставить нашу работу, должны отрешиться от глупых угловатостей преподавания политграмоты. Цека думает, что теперь достаточно пройти с этими рабочими небольшой курс истории нашей партии, в связи с биографией Владимира Ильича. Этот будет ленинский призыв в партию. Конечно, это немножко обидно слышать основному ядру наших рабочих, которые работали под руководством т. Ленина не один год, а десяток лет, конечно, он является **настоящим** ленинским призывом. Но и эта масса хлынула к нам в связи со смертью Владимира Ильича и под его знаменем.

На местах надо смело поставить этот вопрос, не боясь массы. Я слышал, что некоторые това-

рищи уже забеспокоились: вот, у нас в ячейке было 70 человек, а записалось еще 150. Эка беда! Мы имеем 50 000 членов партии рабочих от станка, а нам надо имет 150 тысяч. Мы хотим, стало быть, утроить состав рабочих от станка. Значит, там, где было 50 чел., должно быть 150 человек. Например, в Туле, говорят, организация почти удвоится. И прекрасно. Там хорошие рабочие, которые хотят и могут войти в нашу партию. Возьмем Иваново-Вознесенскую организацию. Там прекрасный рабочий состав, но организация наша там не увеличивалась в числе в течение двух лет, даже чуточку уменьшилась и хирела. Это потому, что мы страдали массобоязнью. Теперь этому надо положить конец.

100 тысяч рабочих должны влиться в ряды нашей партии в течение 3 месяцев. Конечно, это еще не решает всю задачу. Перед нами стоит большая работа отсеивания, переработки, воспитания, рассмотрения, сортировки. Часть отсеется, осядет лучший цвет рабочих, который сейчас поднялся, который во многих отношениях будет не хуже тех 50 тысяч рабочих от станка, находящихся уже в нашей партии. И рядом с этим мы должны будем обдумать—пока мы это решили только в принципе—ряд систематических осторожнейших мер, не скажем по чистке,—это слово раздражает кое-кого, - а по проверке остального состава нашей партии (кроме рабочих от станка), по систематической проверке и улучшению его. Мы думаем, что у нас в партии, несмотря на все чистки, в ряде областей и крупных центров найдется еще несколько тысяч, чтобы не сказать больше, таких людей, которых будет лучше из партии удалить. (Апплодисменты). Разумеется, это

надо обдумать серьезно, не поступать огульно. Мы наделали при первой чистке довольно много ошибок, хотя в общем провели р боту правильно. Губернию за губернией, район за районом осторожно подготовить, отдать дело в руки лучших рабочих, под контролем ЦКК, не торопясь, сделать это, как надлежит большевикам, над нами теперь не каплет. Если это сделать систематически и постепенно, то получится порядочное улучшение в партии. Партия значительно обновится. Это будет маленькая спасительная „революция" в партии в лучшем смысле этого слова, хорошая „октябрьская" большевистская революция, когда вместо 50 тысяч рабочих от станка мы будем иметь 150 тысяч и когда некоторую часть из непролетарских элементов, которые оказались плохими коммунистами, мы попросим очистить наши ряды. (Апплодисменты). Эту работу мы должны предпринять, и мы ее предпримем.

Вы получите в ближайшее время от ЦК нашей партии более подробные указания на этот счет. Но мы просим вас, товарищи, по возвращении на места, содействовать комитетам нашей партии, чтобы эта работа началась сейчас, особенно в этой первой положительной части, касающейся приема рабочих в партию: не бояться, не формализироваться, не выдумывать стажей, как например, производственный стаж, который пустили в ход. Это совершенно не нужно. С важным видом пишут,—33 года производственного стажа. Что это значит? Это значит, что данный товарищ—пожилой человек, много работал на фабрике, возможно, что он, может быть героем труда, но это вовсе не значит, что он непременно годится в члены нашей партии. Мы знаем,

что многие старики—рабочие держались десятками лет на одном заводе в прежнее время потому, что они не бастовали, отставали от революционной молодежи.

Надо, не мудрствуя лукаво, взять и принять 100 тысяч рабочих в нашу партию. Ничего „плохого, окромя хорошего“, от этого не будет. Два года тому назад это было бы невозможно, а теперь у нас для этого есть все предпосылки. Они созрели. Будет время, когда наши взаимоотношения с беспартийными изменятся в корне, будет время, когда беспартийный рабочий будет белой вороной, когда почти весь рабочий класс вольется в ряды нашей партии. Это время еще не пришло, но момент, когда каждый десятый рабочий будет членом нашей партии, этот момент настал. У нас есть около полутора миллионов рабочих в государственной промышленности, значит 150 тысяч мы можем и должны получит в нашу партию. А получив их, нам предстоит громадная работа окончательно воспитать их в большевистском духе. Классовый инстиникт у них есть, входят они в момент, который останется в памяти и у них, и у нас на всю нашу жизнь. Вот почему мы думаем, что этот вывод относительно принятия новых 100 тысяч членов в нашу партию вытек из всего пережитого партией и из тех наблюдений над рабочим классом, которые мы все сделали, а также и из того положения, в котором находится наша партия—после того, как она осталась без В. И.

Что касается второй группы вопросов, как нам поступить по отношению к новой буржуазии, которая начинает более или менее оформляться, то я не могу предложить сейчас мероприятий, го-

товых решений на этот счет. Пока важно, чтобы партийное сознание учло этот факт, чтобы партия увидела, что эта опасность есть. Раз мы ее увидели, то мы достаточно серьезные средства для борьбы против нее найдем.

Прежде всего, необходимо расторжение зачатков смычки, которая имеется между отдельными, наиболее бесшабашными элементами оппозиции и элементами новой буржуазии, старающейся схватить ее за фалды. Эту смычку надо разрезать.

Вы помните, как мы в свое время прибегали к высылке профессоров, которые пытались образовать маленькую головку, политический штаб новой буржуазии. Мы и сейчас не зарекаемся от мер репрессии,—если это назреет, но главное—это увидеть политическую опасность.

X. „ОППОЗИЦИЯ" И ПАРТДИСЦИПЛИНА.

Заканчивая эту главную часть своего доклада, я должен сказать еще, что мы, как ЦК, так и партия в целом, я думаю, заинтересованы в том, чтобы товарищи, которые находились на пути к созданию фракции, или частью даже создали ее, сказали бы нам прямо и определенно:—будет этому положен конец или нет? Пусть по настоящему, без фраз, по-большевистски, они честно подчинятся решениям партии, которые приняты. Единственное, чего мы требуем—это ясного ответа на данный вопрос. Мы не можем позволить и не позволим никому действовать по формуле: а Васька слушает, да ест (аплодисменты), т.-е. ты выносишь резолюции, а мы их читаем и переходим к очередным делам. Этого не должно быть в нашей партии. Явочным порядком заво-

евывать себе „свободу“ фракций наша партия никому не позволит (аплодисменты) потому, что это есть вопрос жизни и смерти для нашей партии. Это понимает каждый рядовик из рабочих, это поймут и те новые 100 тысяч рабочих, которые вольются в нашу партию.

Что такое фракция, фракционность? Иностранное словечко. По-русски, что это значит? Фракция, это—часть, ломоть. Они хотят накроить ломтей из нашей партии. Это значит погубить советскую власть. Это значит играть головою Союза Советских Социалистических Республик. Вот почему мы говорим, что этот вопрос должен быть выяснен.

Мы читали в печати заявления оппозиционеров, которые говорят: теперь, когда нас постигло такое тяжелое горе, все бывшее отходит на задний план, ставим точку, конец всему бывшему и т. д. Что касается этого последнего, то это, к сожалению, невозможно. Хорошо, если бы мы могли это сделать. Но это нам не дано. Бывшее остается. Его не вычеркнешь. Однако, настроения этих товарищей мы ценим и уважаем и готовы подать им руку и сблизиться с такими т.т., у которых имеются такие настроения, которые говорят, что теперь нужно поставить точку, немедленно и во что бы то ни стало сплотить ряды. Но мы хотим, и я думаю, что вся партия заинтересована в этом, чтобы это были не отдельные только товарищи, которые выказывают добрую волю. Если будут легализованы фракции, то мы постепенно скатимся вниз, и тогда выигрывает вся эта кампания Данов, Кусковых, Прокоповичей, которых я вам цитировал.

Конечно, каждый товарищ может остаться

при своем мнении по тому или другому вопросу, на это мы не посягаем, но мы претендуем на элементарнейшие вещи, а именно на то, что если партия решила теперь,—а она решила единодушно и мы должны это подкрепить в достаточно серьезной обстановке и в достаточно трудный момент для жизни нашей партии,—если партия решила, то мы от настоящих большевиков требуем действительного, не показного, не мишурного, но большевистского подчинения. Нас не обманут: мы в этом отношении имеем большой опыт. Будучи фракцией в ЦК вместе с меньшевиками, мы их недурно водили за нос и имели на это право. История была за нас. Мы защищали интерес пролетарской революции, а они интересы мелкой буржуазии. Мы были у них в плену и не могли тогда уйти, мы должны были извнутри бороться с ними. Это было наше право. Опыт у нас есть. Нам будет легко видеть, действительно ли мы имеем подчинение решениям партии, или идет фракционная игра. Если да, если подчинение будет, то никто не будет так рад этому, как ЦК партии. Он пойдет навстречу тому, чтобы создать вполне нормальную обстановку в тех организациях, где борьба обострилась. Вчера, утверждая резолюцию Всесоюзной партконференции, пленум ЦК принял прибавление, где ЦК призывает все те организации, в которых борьба обострилась во время дискуссии, принять меры, чтобы положить конец этому обострению и создать вполне единые ряды, которые втройне нам необходимы сейчас, в настоящую минуту, когда партия осиротела. По этому вопросу должна быть полная ясность.

XI. ВЫВОДЫ.

Перед нами в ближайшее время будет стоять целый ряд вопросов, которые я могу затронуть сейчас уже только мельком, ибо мой доклад затянулся и без того. Я хочу на них хотя бы только намекнуть, так как мы стоим перед началом новой полосы, когда ЦК партии придется вести работу без Владимира Ильича.

Первый пункт — **международная политика.** В двух словах, что мы должны тут делать? Мы должны остаться тут в рамках старой политики. За прошлый год мы видели два крупнейших примера: ноту Керзона и подготовку к германской революции. Во время ноты Керзона мы проявили максимальную уступчивость и осторожность. Во время подготовки германской революции мы готовились к крутым и бурным поворотам событий. Я думаю, что об'единение этих 2-х моментов величайшей осторожности и балансирования в буржуазном окружении и момента готовности к бешеному повороту событий, когда грянет бой и придет минута—из этих двух составных частей будет и дальше складываться наша международная политика, как нас учил Владимир Ильич.

Не раз и не два мы ошибемся насчет выбора момента, но основные линии в этой области мы установим старые. Мы не пойдем на новые уступки международному капиталу для более скорого его привлечения. Не нужно нам его слишком скоро привлекать. Не правы те товарищи, которые по этому поводу нервничают. Когда мы отказали Уркарту в концессии, у тов. Ленина и ЦК партии были разные мотивы, но решающим моментом у тов. Ленина был не тот мотив, что

условия Уркарта слишком плохи,—они, действительно, плохи,—а другой момент. Когда мы подошли вплотную к этому делу, у тов. Ленина преобладало такое настроение: лучше Россия бедная, серая, медленно восстанавливающаяся, но — **своя**. Пускать европейских хищников в некоторой дозе надо, неизбежно, но слишком торопиться с этим не следует и особенно зубастого хищника пускать с особой осторожностью. Я думаю, что это основное настроение было и остается правильным, и мы, как хозяева нашего Советского Союза, хозяева в лучшем смысле этого слова, теперь, когда мы видим, что медленно, но верно хозяйственный под'ем идет, мы должны руководствоваться этой же мыслью: лучше наша бедная страна, хотя и медленно восстанавливающаяся, но—**своя**. Ибо, если слишком щедро пустить иностранных хищников, то это неразрывно связано с тем вопросом, который правильно поставил Прокопович, о правах и для „них". Среди оппозиции были товарищи, которые думали, что нужно обрезать НЭП, но у нее же были влиятельные люди, которые говорили, что нужно быстрее привлекать международный капитал и уступать ему больше И они не понимали, что это и есть вернейшее **усиление** НЭП'а внутри страны, величайшее усиление новой „советской" буржуазии. Нет, в этом вопросе торопиться не нужно.

В международной политике вопросы становятся теперь в высшей степени интересными. Макдональд, нынешний премьер Англии, был вчера вождем II Интернационала. Фиктивно он оставил ряды II Интернационала, но фактически он остается его членом и вождем. II Интернационал в лице Макдональда должен будет показать свое отно-

шение к III Интернационалу, который олицетворяется и этим с'ездом, Москвой. Лондон и Москва теперь в некоторой степени II и III Интернационалы. Такого положения еще не было. Вожди второго Интернационала были уже вождями государств, но не в первостепенных странах. Англия—первостепенная страна, и теперь мы получаем такую картину, когда II Интернационал, по поручению английской буржуазии, должен будет маневрировать по отношению к III Интернационалу, к нашей революции. Международная обстановка таит в себе теперь очень много интересного. Я думаю, что политика нашего ЦК, который вынужден теперь работать без Владимира Ильича, сложится из следующих моментов: осторожности балансирования в отношении к буржуазному окружению, тысячекратная осторожность, чтобы не вызвать войны, которую мы не можем допустить. Но вместе с тем—быстрота и натиск, когда созреет серьезный поворот событий, как он намечался в Германии, Польше, Болгарии, и как завтра он может наметиться в целом ряде других стран, ибо положение неустойчивое. В той же Германии сегодня бастуют 600.000 рабочих. В деле уступок международной буржуазии мы будем вести старую основную линию: не торопиться давать всякие концессии, а лишь выгодные и для нас. Мы будем, понятно, давать те или другие концессии, но мы будем исходить из той мысли, что лучше советская страна, медленно восстанавливающаяся, чем без оглядки допускать международных волков. Сюда же входит и монополия внешней торговли (аплодисменты).

Второй вопрос — нэп. Основы нэпа остаются всерьез и надолго. План у нас есть, это план

электрификации. Подвинтить гайки в области кооперации, в духе той статьи, которую нам завещал Владимир Ильич. Подкрепить кооперацию в духе социализма, ибо кооперация может и должна стать теперь куском социализма. Третье—еще более базироваться на рабочем классе во всей политике. Четвертое—смычку пролетариата и крестьянства еще больше, без остатка, сделать **основой** своей политики. Мы должны будем проникать во все прослойки деревни. Мы должны будем эту смычку конкретизировать.

Пятое—профсоюзы. Вопрос о них как-то прошел мимо во всей нашей дискуссии. Но так или иначе этот вопрос стоит. Профсоюзы — наша основная твердыня. Там растут и крепнут поколения рабочих. Сто тысяч мы возьмем в партию, но миллионы должны еще пройти через школу социализма в профсоюзах. Принцип рабочей демократии, который мы всерьез утвердили в партии, тем большее значение должен получить для профсоюзов. Лучшая работа в профсоюзах и еще большее приближение к массам, это то, что мы должны поставить на очередь.

В шестых—остальные слои населения. Обволакивание отдельных групп партии со стороны мелкой буржуазии — вот то новое, что висит в воздухе, вот то новое, что мы все чувствуем. Нам теперь, товарищи, не страшен саботаж буржуазии или мелкой буржуазии. Нам страшно обволакивание с ее стороны. Нам страшно то, что она пролезает к нам через некоторые поры. Она ходит около партии и заражает отдельные группы, отдельные прослойки нашей партии, охватывает своим влиянием часть учащейся молодежи. Это новое политическое явление. Мы должны принять

все меры, чтобы использовать эти слои населения, использовать группировки учащихся не большевиков, использовать все группировки населения, которое впервые уверовало не за страх, а за совесть в советскую власть. Но мы должны уберечь партию от обволакивания ее мелкой буржуазией. Нам нужно принять все меры, чтобы оградить от них нашу партию, чтобы оградить наиболее слабую, наиболее хрупкую часть учащейся молодежи от этого обволакивания.

В седьмых — национальный вопрос. Мы этот вопрос решили правильно. Мы решили его целиком в духе того, что писал Владимир Ильич. Но национальные коммунистические партии начинают только строиться. Там еще молодой и тонкий слой коммунистов. Нашу национальную политику мы наметили в общем правильно. Я думаю, что лучшее пожелание в этом основном вопросе, это такое: ЦК нашей партии должен в национальных вопросах работать так, чтобы **не дать возникнуть никакому национальному вопросу**. Вот это будет правильное решение национального вопроса. (Аплодисменты). Мы находимся на правильных рельсах. Мы достаточный дали отпор каким бы то ни было моментам великодержавного шовинизма. Я думаю, товарищи, что мы дали достаточный отпор и моментам национализма в рядах бывших угнетенных наций. Мы должны будем решать эти вопросы планомерно через партию, как подобает большевикам, для того, чтобы этот вопрос, который является неразрешимым вопросом для всей международной буржуазии, разрешался у нас просто и легко.

Восьмой вопрос:—улучшение государственного аппарата. Я уже касался этого. Это тоже нам

завещал Владимир Ильич. Тут тоже работы непочатый край. Я хотел напомнить слова Владимира Ильича, сказанные в 1921 г. против Павла Леви. Он писал: „После величайших, невиданных в мире, напряжений рабочему классу в мелко-крестьянской разоренной стране, пострадавшему в больших размерах от деклассирования, необходим промежуток времени, чтобы новые силы могли подростать, подтянуться, чтобы старые и изношенные могли „отремонтироваться", создание военного и государственного аппарата, который способен был победоносно выдержать испытания 1917-1921 годов, — дело великое, занявшее, исчерпавшее реальные (не в декламации крикунов существующие) „силы рабочего класса".

„Надо понять это и считаться с необходимостью, вернее, с неизбежностью замедленного прироста новых сил".

„Когда меньшевики кричат о „бонапартизме" большевиков (на войско-де и на аппарат опираются против воли „демократии"), то этим прекрасно выражается тактика буржуазии, и Милюков правильно поддерживает ее, поддерживает „кронштадтские" (весны 1921 г.) лозунги. Буржуазия правильно учитывает, что действительные „силы рабочего класса" состоят из могучего авангарда этого класса (Рос. ком. партия, которая не сразу, а в течение 25 лет завоевала себе делами роль, звание, силу „авангарда" единственно революционного класса) плюс элементы наиболее ослабленные, деклассированные, наиболее податливые меньшевистским и анархистским шатаниям".

Это тяжелое время теперь начинает проходить. Деклассирование пролетариата прекратилось. С тем большей силой наша партия должна

нажать на эту педаль нащупывания государственного аппарата. Это медленная, длительная, упорная работа.

Теперь настали лучшие времена. Теперь поддержки от рабочих будет больше. Теперь силы пролетариата выросли. Это поможет нам поработать хорошенько над госаппаратом. Это завещал нам Ленин, и ЦК нашей партии, вынужденный работать без Владимира Ильича, должен будет много внимания уделить этому вопросу.

Девятое—это партия и государство. В этом вопросе мы незыблемо стоим на почве пролетарской диктатуры, железной диктатуры. Никто не может помышлять об ослаблении ее. А раз это так, то взаимоотношения партии и государства должны остаться старые—в том смысле, что партия руководит, партия - душа всего, партия занимается не только агитацией и пропагандой, как нам это хотели подсунуть, а партия организует, партия направляет, партия руководит советской властью, партия—ее голова. Мы должны в этом вопросе все остаточки небольшевистских идей, прежде всего, выскрести ножем, чтобы в рядах большевистской партии не осталось ни малейших сомнений относительно основного вопроса о взаимоотношениях между партией и государством.

И, наконец, десятое—Коминтерн и Профинтерн. Вы еще услышите об этом подробный доклад. Дело трудное руководить этими мировыми организациями без направляющей руки Владимира Ильича—в сотни, тысячи, миллион раз труднее. Но все таки, товарищи, наша партия, черпая из кладезя тактики, который оставил нам Владимир Ильич, сумеем при поддержке других партий,

руководить Коминтерном и Профинтерном. Вносить какую бы то ни было групповую фракционную борьбу в Коминтерн—есть настоящее преступление (аплодисменты). Вспомните судьбу первого Интернационала. Вот почему, товарищи, теперь партии придется еще более дружно и более коллективно продумать все те решения, которые стоят перед нами и в области работы Коминтерна.

Из узко партийных задач перед нами возникает, прежде всего, задача—в первую голову увеличить удельный вес рабочих.

Во-вторых, принять сто тысяч Ленинского призыва в течение 3-х месяцев

В третьих, еще более внимательно работать над лучшей частью крестьян—коммунистов для того, чтобы из них, из красноармейцев, из допризывников военных, из крестьянских бедняков, из незаможных выработать настоящих большевиков.

В четвертых, в Красной армии мы не можем терпеть нынешнего положения, когда все 40.000 коммунистов—командная верхушка. Мы должны черпнуть глубже: мы должны определенное количество рядовых красноармейцев-коммунистов иметь в рядах нашей партии.

В-пятых,—учащаяся молодежь. Мы должны улучшить состав учащихся, если придется—количественно сократить его, поставить их в лучшую обстановку, раз'яснить повсюду правильную линию партии там, где были колебания.

В-шестых,—из других партий прием прекратить. Принимать только единицы, принимать только тех, которые, как революционеры, дают нам абсолютную индивидуальную гарантию того, что мы не будем раскаиваться в их приеме.

В-седьмых,—из других слоев в партию год или

два не принимать решительно никого (аплодисменты).

В-восьмых, — работа над собой, над партией в широком смысле этого слова: учеба, учеба и еще раз учеба. Поднятие культурного уровня партии есть одна из центральных задач, без которой смешно и говорить о действительном проведении внутрипартийной демократии. То, что сделано в этом отношении, это только капля в море. Еще годы и годы партия должна будет работать над поднятием культурного уровня своих членов; разумеется, не только путем книжек и университетов, но и путем втягивания в повседневную работу партии, путем втягивания в работу профсоюзов и советской власти.

В-девятых, — повышение чувства ответственности каждого из нас. Я думаю, об этом можно не распространяться. Нужно помнить, что мы работаем без Владимира Ильича. Повышение чувства ответственности каждого из нас совершенно необходимо.

В-десятых, — научная систематическая постановка партийной работы — прекращение кустарничества, применение ленинской систематичности.

В одиннадцатых, — товарищи, вытекающее из всего этого, серьезное, честное, большевистское, деловое, настойчивое проведение резолюции Политбюро от 5 декабря и теперь конференции нашей партии относительно внутрипартийной демократии (аплодисменты).

XII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Вот те задачи, которые стоят перед нами. Я хочу в заключение напомнить, что говорил Владимир Ильич на могиле Свердлова. Он говорил: „Я глубоко уверен, пролетарская революция в России и во всем мире выдвинет группы и группы людей, выдвинет многочисленные слои из пролетариата и трудящегося крестьянства, которые дадут практическое знание жизни и тот, если не единоличный, то коллективный организаторский талант, без которого нельзя итти к победе".

Владимир Ильич говорил тогда, что работу Якова Михайловича должен будет заменить целый коллектив, ряд комиссий из выдающихся товарищей. Но совершенно ясно, если в какой либо мере работу Владимира Ильича вообше можно заменить кем бы то ни было, то лишь вся наша партия должна быть этим коллективом, плюс тот приток из широких рабочих масс, который сейчас к нам так добросовестно, так горячо, с таким энтузиазмом идет, чтобы продолжать работу Владимира Ильича.

Еще я хочу вспомнить слова Владимира Ильича (многие из вас вспомнят их), сказанные 20 лет тому назад в его книге „Что делать". Он говорил: „Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда итти под их огнем. Мы соединились по своболно принятому решению именно для того, чтобы бороться с врагом, и не оступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь

примирения. И вот, некоторые из нас принимаются кричать: пойдемте в это болото. А когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди. И как вам не совестно отрицать за нами право звать вас на лучшую дорогу.

О, да, господа, вы свободны не только звать, но и итти куда вам угодно, хотя бы и в болото. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова „свобода", потому что, ведь, мы тоже свободны итти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает в болото".

Да, товарищи, мы теперь идем тесной кучкой по довольно трудному обрывистому пути. Путь этот, конечно, гораздо более широк, мы на гораздо более обширном фундаменте стоим, чем стояла группа Владимира Ильича в 1903 году. Мы стоим на железо-бетонном фундаменте пролетарской диктатуры, работая в союзе с крестьянством 7-й год, опираясь на величайшее сочувствие и энтузиазм международного рабочего класса. Но все-таки наш путь не устлан розами. Все-таки он обрывист и труден, и мы все-таки идем под перекрестным огнем, мы все-таки находимся в окружении западно-европейской буржуазии. Мы не знаем, что готовит нам завтрашний день, какие новые испытания должна будет выдержать наша страна, прежде чем она выйдет на широкую дорогу.

Мы должны почувствовать себя еще больше, чем когда бы то ни было, действительно единой дружной семьей, которая, взявши друг друга за руки, против всего буржуазного мира, умеет выступать единой, как один человек.

Мы хотим единства, но не просто всякого единства. Мы хотим единства на определенном ленинском фундаменте. Тов. Ленин далеко не всегда бывал за единство. Бывают положения, когда революционер выступает и против единства. Было положение, при котором Плеханов, например, сказал, при расколе „Земли и Воли"—долгом революционера иногда бывает расколоть ту или другую организацию, если эта организация стала на пути исторического прогресса, если она мешает победе революции. При таких положениях мы не боимся поднять знамя восстания, знамя раскола, как мы сделали по отношению ко 2 Интернационалу, как сделали по отношении к меньшевизму. Но мы за единство **нашей партии** на основе ленинизма, на основе того евангелия революционного марксизма, которое мы получили из рук Владимира Ильича, которое мы пронесли через три революции и которое сумеем пронести и дальше.

Единство нам нужно теперь, разумеется, больше, чем когда бы то ни было. Я думаю, товарищи, этого не нужно и напоминать в рядах большевиков. В преданности идее единства РКП мы должны воспитать ту сотню тысяч свежих рабочих, которая вливается в наши ряды, весь молодняк, всю учащуюся молодежь.

Всю рабочую часть нашей партии мы должны научить тому, чтобы на основе наследия, которое досталось нам из рук гениальнейшего вождя миллионов трудящихся мира, это единство, созданное и выкованное т. Лениным, сохранить и упрочить. Большевистское знамя, которое мы пронесли через огонь трех революций, мы, товарищи, все вместе, дружно сплотившись, должны суметь про-

нести и дальше через какой угодно огонь. Не забывайте, знамя это из рук в руки передал всем нам, всей нашей партии Владимир Ильич Ленин (аплодисменты).

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ тов. ЗИНОВЬЕВА.

Коммунистическая фракция II-го С'езда Советов Союза ССР, заслушав доклад тов. Зиновьева на заседании фракции 1-го февраля 1924 года, присоединяется к решению Всесоюзной партконференции по вопросу о партстроительстве и об итогах дискуссии.

